

Федеральное агентство научных организаций (ФАНО) России

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Санкт-Петербургский научный центр Российской академии наук»

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова Российской академии наук»

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук»

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего
образования «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
«Дом ученых им. М. Горького Российской академии наук»

УЧЕНЫЕ И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Материалы круглого стола

в рамках XXXVI годичной международной научной конференции

«СОВЕТСКАЯ НАУКА И ТЕХНИКА

В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

(к 70-летию Великой Победы)»

Санкт-Петербургского отделения Российского национального
комитета по истории и философии науки и техники

(21 апреля 2015 года)

Санкт-Петербург
2016

УДК 93/94+32.01.5

ББК 63.3(0)62

И 90

А в т о р ы:

Н. А. Ащеулова, А. З. Ваксер, Е. В. Васильева, Т. В. Давыдова, Э. П. Карпеев,
Ю. И. Кривоносов, С. А. Кугель, В. В. Кузнецов, К. В. Манойленко,
И. И. Хмельницкая, А. Н. Цамутали

Ученые и Великая Отечественная война. Материалы круглого стола в рамках XXXVI годичной международной научной конференции «Советская наука и техника в годы Великой Отечественной войны (к 70-летию Великой Победы)» Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники (21 апреля 2015 г.) / под ред. Н. А. Ащеуловой, С. А. Кугеля. – СПб. : Изд-во Политехн. ун-та, 2016. – 104 с.

Р е ц е н з е н т ы : Е. А. Иванова, В. С. Соболев.

Иллюстраций 31.

ISBN 978-5-7422-5583-3

Сборник материалов круглого стола **«Ученые и Великая Отечественная война»** представляет собой одно из уникальных академических изданий, посвященных деятельности ученых и научных организаций в годы Великой Отечественной войны. Сборник включает статьи, приветствия, поздравления, воспоминания участников и ветеранов Великой Отечественной войны. Издание публикуется к 70-летней годовщине Великой Победы.

ISBN 978-5-7422-5583-3

© ФГБУН «Санкт-Петербургский филиал
Института истории естествознания
и техники им. С. И. Вавилова РАН», 2016
© Авторы, 2016

Оглавление

Сведения об авторах	4
Предисловие	6
Стенограмма открытия круглого стола	10
<i>А. Н. Цамутали</i>	
Ученые Ленинграда в годы войны и блокады (по материалам дневников и рукописей)	26
<i>А. З. Ваксер</i>	
Война, фронт: день первый, день последний	33
Э. П. Карпеев	
О двух малоизвестных мероприятиях в истории подготовки и окончания Великой Отечественной войны	40
<i>И. И. Хмельницкая</i>	
Дом Ученых им. М. Горького РАН в годы Великой Отечественной войны	44
<i>Ю. И. Кривонос</i>	
Академик Сергей Иванович Вавилов — военные будни 1941–1945 гг. (по дневникам ученого)	54
<i>К. В. Манойленко</i>	
Преемственность традиций в сообществе ученых в годы Великой Отечественной войны	63
<i>Е. В. Васильева</i>	
Ученые Дальнего Востока в годы Великой Отечественной войны	68
<i>В. В. Кузнецов</i>	
Ленинградские политехники и Великая Победа	80
<i>Т. В. Давыдова</i>	
Основные направления реформирования системы советского здравоохранения в послевоенный восстановительный период (на примере системы здравоохранения Северо-Западного региона РФ)	87

Сведения об авторах

Ащеулова Надежда Алексеевна — кандидат социологических наук, директор Санкт-Петербургского филиала ФГБУН Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН.

Ваксер Александр Завельевич — доктор исторических наук, профессор, ассоциированный научный сотрудник ФГБУН «Санкт-Петербургский институт истории РАН», лауреат Государственной премии СССР, участник Великой Отечественной войны, награжден орденом Красной Звезды, орденом Отечественной войны, двумя медалями «За боевые заслуги», медалями, «За оборону Москвы», «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а также юбилейными медалями.

Васильева Елена Владимировна — кандидат исторических наук, научный сотрудник Дальневосточного федерального университета.

Давыдова Татьяна Викторовна — кандидат исторических наук, научный сотрудник ФГБОУ ВПО «Первый Санкт-Петербургский государственный университет», Медицинский факультет, кафедра организации здравоохранения.

Карпеев Энгель Петрович — кандидат технических наук, старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала ФГБУН Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, награжден орденом Отечественной войны II степени.

Кривоносов Юрий Иванович — кандидат технических наук, руководитель проблемной группы истории научной политики ФГБУН Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН.

Кугель Самуил Аронович — доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала ФГБУН Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, заслуженный деятель науки РФ, участник Великой Отечественной войны, награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени и 15 медалями.

Кузнецов Владимир Викторович — кандидат философских наук, доцент Санкт-Петербургского политехнического университета

Петра Великого, ведущий научный сотрудник Историко-технического музея.

Манойленко Ксения Викторовна — доктор биологических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала ФГБУН Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН.

Хмельницкая Ирина Ивановна — кандидат культурологии, заместитель директора Дома ученых им. М. Горького РАН.

Цамутали Алексей Николаевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник ФГБУН «Санкт-Петербургский институт истории РАН», заслуженный деятель науки Российской Федерации, награжден медалями «За оборону Ленинграда», «За доблестный труд» к 100-летию В. И. Ленина, «30 лет победы над Германией», «40 лет победы над Германией», «50 лет победы над Германией».

Предисловие

*Памяти моего учителя
С. А. Кугеля посвящается...*

Сборник материалов круглого стола «Ученые и Великая Отечественная война» — одно из уникальных академических изданий, посвященных деятельности ученых и научных организаций в годы Великой Отечественной войны.

Круглый стол проходил 21 апреля 2015 года, в 15.00 в Малом конференц-зале Санкт-Петербургского научного центра Российской академии наук. В работе научно-поздравительного мероприятия принимали участие сотрудники научно-исследовательских институтов — участники Великой Отечественной войны и жители блокадного Ленинграда, награжденные высокими правительственными наградами: орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени, медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и др.

Научная программа была сформирована научно-исследовательскими и образовательными учреждениями Санкт-Петербурга — Санкт-Петербургским филиалом института истории естествознания и техники РАН,

Санкт-Петербургским институтом истории РАН, Санкт-Петербургским политехническим университетом Петра Великого, Домом ученых им. М. Горького Российской академии наук. Главным инициатором этого мероприятия выступил Самуил Аронович Кугель — участник Великой отечественной войны, Заслуженный деятель науки РФ, профессор, доктор философских наук, главный научный сотрудник СПбФ ИИЕТ РАН. Самуил Аронович прошел путь от Днепра до Вены, награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны II степени и 15 медалями. Возвратившись с войны, он самоотверженно трудился на поприще академической науки.

Мне посчастливилось долгие годы работать рука об руку с талантливым ученым, профессионалом своего дела. Многое сделано Самуилом Ароновичем на академическом поприще, и это высоко оценено. С. А. Кугель — лауреат премии академика С. Ф. Ольденбурга (2004), удостоен серебряной медали имени Питирима Сорокина «За вклад в науку» (2009) и почетного знака «За вклад в историю науки и техники» (2012), золотой медали Российского общества социологов (2014). Когда Самуил Аронович предложил мне воплотить его идею в реальность и организовать круглый стол, провести его торжественно, отдав почести ветеранам, я с большим энтузиазмом взялась за дело. Были разосланы пригласительные письма в академические учреждения, сформирована научная и поздравительная программа. Очень хотелось в этот праздничный день вручить букеты цветов и подарки ветеранам. Ю. А. Коченевская (заведующая ДОУ «Детский сад № 4» Василеостровского района Санкт-Петербурга) и ее маленькие воспитанники стали готовить своими руками подарки для ветеранов, чтобы приехать и лично поздравить их в день проведения круглого стола. Благотворительную помощь оказал руководитель группы компаний «Орими Трейд» — Касьяненко Сергей Васильевич. Известный российский баритон — Александр Пахмутов — на мероприятии исполнил самые дорогие для ветеранов песни военных лет.

Мероприятие действительно было очень значимо для академического сообщества Санкт-Петербурга. В праздничном круглом столе к 70-летию Великой Победы, в поздравлении ветеранов принимали участие представители Федерального агентства научных организаций России, Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга, Законодательного собрания Санкт-Петербурга, Библиотеки Российской академии наук, Дома ученых Российской академии наук, директора академических институтов и университетов города, а также лауреат международных конкурсов, баритон Александр Пахмутов и вос-

питанники дошкольного образовательного учреждения детского сада № 4 Василеостровского района Санкт-Петербурга.

К сожалению, Самуил Аронович ушел из жизни 13 сентября 2015 года. Я приняла решение собрать материалы и опубликовать уникальный сборник. Сборник включает академические статьи, приветствия, поздравления, воспоминания участников и ветеранов Великой Отечественной войны. Издание публикуется к 70-летней годовщине Великой Победы. На первых страницах представлена стенограмма открытия круглого стола, содержащая приветствия и трогательные воспоминания ученых. Академическую часть открывает статья Цамутали Алексея Николаевича, в которой автор блестяще обращает внимание на разнообразие дневников и воспоминаний, воссоздающих деятельность ученых в осажденном городе, подчеркивает значение этого вида источника для более полного раскрытия событий, связанных с обороной Ленинграда. В статье Ваксера Александра Завельевича читатель столкнется с личными воспоминаниями о начале военных действий, тяготах фронтовых будней, а также дивизионном «Параде Победы». Карпеев Энгель Петрович повествует об истории создания специальных военных школ, своей учебе в Московской военно-морской спецшколе и волнующем участии в первомайском параде в Москве. Деятельность Дома ученых им. М. Горького в военные годы поражает своей самоотверженностью и масштабностью. Хмельницкая Ирина Ивановна в своей статье рассказывает, как в блокадные годы ленинградские ученые написали свыше тысячи научных работ, провели громадную организационную работу по сохранению и укрытию оставшихся ценностей в надежных местах, подготовке бомбоубежищ в подвалах, переоборудованию всех помещений к военному времени. Уже в 1942 г. ленинградским ученым была присуждена Государственная премия СССР за крупный вклад в дело обороны страны. Военные будни академика С. И. Вавилова представлены в работе Кривоносова Юрия Ивановича. Выдающий физик Сергей Иванович Вавилов внес весомый вклад в научные и практические разработки военного времени. Его дневниковые записи отражают героизм ученых в достижении Великой Победы. Ученые, вынужденные пройти все тяготы эвакуации, смогли за короткое время организовать научные исследования в других регионах страны, мобилизовать все ресурсы на помощь Красной армии и оборонной промышленности. Манойленко Ксения Викторовна в статье описывает героический труд ботаников в условиях ежедневных бомбардировок и обстрелов, показывает, как ученые Ленинграда (Ботанического института, Всесоюзного

научно-исследовательского института растениеводства) стойко и мужественно сохраняли гербарные коллекции, коллекцию семян сельскохозяйственных растений мира, ценнейшие собрания живых растений, музеи, библиотеки. Ботаники создавали различного рода инструкции для бойцов, имевшие оборонное значение: военные геоботанические карты, пособия для ориентации бойцов и др. Огромный вклад в Победу внесли ленинградские политехники. Кузнецов Владимир Викторович знакомит читателя с доблестными подвигами научно-технологической элиты: 3000 политехников участвовали в боевых действиях, 17 политехников стали Героями Советского Союза. В годы Великой Отечественной войны был создан мощный военно-промышленный комплекс, и политехники — инженеры и конструкторы — были в первых рядах. На Дальнем Востоке ученые активно решали продовольственные проблемы и помогали тылу и фронту. Васильева Елена Владимировна описывает, как за годы войны ученые провели множество агробиологических исследований, изучали вопросы переработки и хранения рыбы, разработали принципы производства рыбных и крабовых консервов, разводили сорта овощей, лука, фруктов, ягод, новые сорта зерновых, решали вопросы расширения посевных площадей и т. д. Учеными Дальнего Востока была решена проблема замены кокса местным углем при плавках чугуна в вагранках, налажено производство аккумуляторных пластин для специальных целей Тихоокеанского флота, из местного сырья производили угли для противогазов, разработали методики лечения заболеваний и осложнений военного времени и многое другое. И завершает сборник статья Давыдовой Татьяны Викторовны о сложных послевоенных годах и реформировании системы здравоохранения. В ней автор повествует читателю: «В период Великой Отечественной войны часть территорий Северо-Западного региона (Ленинградская, Псковская и Новгородская области) подверглись фашистской оккупации, другие области находились в тылу. В сложных послевоенных условиях, благодаря эффективной организаторской деятельности руководителей областей Северо-Запада, поистине героическим усилиям медицинской службы и самоотверженности всего населения здравоохранение было восстановлено».

Верим, что такое издание сохранит память о великих подвигах ученых, инженеров, конструкторов, экспериментаторов в Великой Отечественной войне, о тех, кто самоотверженно воевал, а потом, вернувшись с фронта, посвятил свою жизнь научной деятельности. Будем помнить их вечно...

Н. А. Ащеулова

СТЕНОГРАММА ОТКРЫТИЯ КРУГЛОГО СТОЛА

Приветствие Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН — к. соц. н., ведущий круглого стола, ученый секретарь *Надежда Алексеевна Ащеулова*.

Дорогие коллеги и гости Академии наук! Мы рады приветствовать вас на нашем торжественном заседании! В сложные годы Великой Отечественной войны самоотверженный труд ленинградских ученых помог преградить путь фашизму, пережить сложнейшие девятьсот дней блокады, оказать помощь фронту и тылу, спасти уникальные собрания и памятники архитектуры. В первые дни войны многие ученые ушли на фронт и там отчаянно сражались за Родину. К сожалению, вернулись не все. А те, кто прошел путь до Берлина, возвратившись, продолжали самоотверженно трудиться на поприще советской науки. Сегодня мы хотим поздравить наших ученых, участников Великой Отечественной войны, ветеранов, жителей блокадного Ленинграда и искренне поблагодарить их за героический подвиг.

Разрешите мне предоставить слово главному организатору данного мероприятия, заслуженному деятелю науки Российской Федерации, профессору, участнику Великой Отечественной войны, награжденному орденом «Красной звезды» и орденом Отечественной войны II степени, пятнадцатью медалями, Самуилу Ароновичу Кугелю.

Приветствие Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН — д. филос. н., профессор, заслуженный деятель науки РФ, гл. н. с. *Самуил Аронович Кугель*.

Дорогие коллеги! Дорогие участники Великой Отечественной войны и все, кто, так или иначе, участвовал в героической защите нашего города. Сегодня наука наша переживает сложное время. Но, я думаю, что с помощью некоторых активных ученых, с помощью наших участников Великой Отечественной войны мы выйдем из нелегкого положения и наука «зацветет» так, как ей положено.

В годы Великой Отечественной войны ученые находились на раз-

ных участках фронта и героически боролись против фашистских оккупантов. Сейчас ученым, слава богу, как говорится, воевать не приходится, в прямом смысле. Если говорить в переносном смысле, то приходится тоже воевать. Не хотелось бы вас задерживать — здесь много достойных людей, много людей, которые готовы выступить со своими воспоминаниями. Поэтому разрешите мне закончить свое краткое выступление и пожелать творческой плодотворной работы участникам нашего круглого стола.

Приветствие Федерального агентства научных организаций России — помощник руководителя Дмитрий Сергеевич Кадымов.

Здравствуйте, коллеги! Для меня большая честь передать вам искренние приветствия по случаю данного мероприятия и наступающей годовщины — 70-летия Победы — от имени Федерального агентства научных организаций и от его руководителя Михаила Михайловича Котюкова. У всех у нас кто-то воевал, у кого отцы, у кого деды. Мы очень хорошо знаем значение и цену этой Победы. Очень важно, чтобы в результате проведения данного мероприятия молодое поколение больше узнало о цене Победы, которой она досталась. Особо стоит сказать об ученых Ленинграда, которые в блокаду, лишённые самого элементарного, тем не менее не оставляли свои рабочие места и работали на Победу. И когда читаешь об этих днях или слышишь рассказы свидетелей, удивляешься той самоотверженности, мужеству, и невольно примериваешь — а как бы ты сам смог сделать. И понимаешь, что люди преодолели себя, преодолели невзгоду, и сумели победить. Готовясь к выступлению, я нашел сведения по свидетельствам противника — немецкого танкиста, который был под Ленинградом. Объясняя свои неудачи, он сказал, что русские были лучше экипированы и лучше вооружены. Поначалу мне показалось, что это какая-то неуклюжая попытка объяснить эти неудачи, с другой стороны, даже если в его словах есть доля правды, это означает, что действительно все было брошено для фронта, для Победы. Жители Ленинграда в блокаду сумели отдавать воинам лучшее: лучшее вооружение, лучшую одежду, лучшую экипировку, для того чтобы они могли победить. Такой войны не должно быть никогда. Я искренне желаю здоровья, долгих лет нашим ветеранам. Чтобы вы больше рассказывали о том, как вы воевали и как победили. В целом, благополучия!

Приветствие Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга — первый заместитель председателя
Ирина Юрьевна Ганус.

Уважаемые участники круглого стола! От лица Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга разрешите выразить признательность за приглашение и возможность еще раз поблагодарить участников, ветеранов Великой Отечественной войны за то, что было сделано и за то, что они делали не только в период военных действий, но и после, чтобы сегодня у нас с вами была уникальная возможность встретиться, еще раз вспомнить и поговорить об этом. Хотелось бы поблагодарить организаторов этого круглого стола за тему, которая предложена для обсуждения, — связь между наукой и Великой Отечественной войной, роль ученых, роль науки именно в той кропотливой работе, которая привела к Победе. Сейчас в Санкт-Петербурге в преддверии самого значительного, самого замечательного праздника проходят открытые уроки, круглые столы, встречи с ветеранами во всех учебных заведениях. В этом принимают участие и ветераны Великой Отечественной войны, и историки, и философы. В память об этих днях нужно продолжать эти встречи, независимо от сложившейся ситуации, как в мире, так и в стране. И, конечно, несмотря на то, что, как сказал Самуил Аронович, наука переживает тяжелые времена, я думаю, что это не совсем так. Благодаря науке мы достигли серьезных прорывных технологий, достигли серьезных результатов, и мне кажется, что слова А. П. Чехова тут как раз уместны, когда он сказал, что «наука — самое прекрасное, самое важное в жизни человека, она всегда была и будет высшим проявлением любви, ею одною человек победит природу и себя». Поэтому я желаю вам новых побед. Я еще раз благодарю ветеранов. Искренне, с поклоном. Спасибо вам большое! И желаю всем участникам еще раз вспомнить всех тех, кто участвовал, кто действительно способствовал нашей Победе. Спасибо большое и с наступающим замечательнейшим праздником!

Приветствие Законодательного собрания Санкт-Петербурга — к. ф. н., представитель Законодательного собрания в Федеральном Собрании РФ Петр Борисович Шелищ.

Я имею поручение от председателя Законодательного собрания нашего города Вячеслава Серафимовича Макарова поздравить всех участников, ветеранов войны, всех, кто собрался здесь сегодня отметить Великую Победу и воздать долг участникам и вете-

ранам войны. Поздравляю с наступающим праздником Победы и хочу напомнить, что среди депутатов, как и среди работников аппарата Законодательного собрания нашего города, немало докторов и кандидатов наук; значительная часть тех, кто имеет сегодня отношение к законодательной власти в нашем городе — это люди, вышедшие из научной среды. Вячеслав Серафимович Макаров, до того, как стал штатным профессиональным политиком, заведовал кафедрой Военно-космической академии имени А. Ф. Можайского, и многие в Законодательном собрании могут сказать, что прошли научную школу. И теперь скажу от себя, что я прошел школу под руководством Самуила Ароновича Кугеля. Это мой учитель. С него начиналась моя профессиональная, по крайней мере, в сфере общественных наук, жизнь. Этой школе, как и Самуилу Ароновичу лично, его огромному человеческому обаянию, его замечательным не только творческим, научным, но и моральным качествам я считаю себя многим обязанным. Я думаю, и Ащеулова Надежда Алексеевна может сказать о себе то же самое — мы с ней «птенцы из одного гнезда», хоть и разных поколений. И я пришел с убеждением, что долгая жизнь свойственна людям, во-первых, ведущим активную творческую жизнь, во-вторых, людям благожелательным, доброжелательным к окружающим. Я знаю очень много людей немолодых и среди них практически не вижу людей злых, завистливых... Это для всех нас, кажется, пример. Я позволю себе вспомнить, что у меня был такой период в жизни в середине восьмидесятых, когда мне было поручено написать для Общества «Знание», причем написать в соавторстве с заведующим отделом науки ЦК КПСС, брошюру «Наука и социализм». Я думал, что там писать. В итоге я написал текст, основной идеей которого было положение, что этика науки и этика коммунистического общества — это одно и то же. Мой соавтор счел идею слишком радикальной, брошюра не вышла. Но, на самом деле, мне кажется, что идея была правильная: коммунизм, как его описывали фантасты, и этика науки, основы которой нам описал Роберт Мертон, вполне гармонично сочетаются. Я хочу выразить большую радость по этому поводу, пожелать всем, кто начинает свой профессиональный путь в науке, и тем, кто свою жизнь ей посвятил, жить как можно дольше, показывая нам всем образцы творческой активности и доброго, радостного отношения к миру. Всего вам самого доброго!

**Приветствие Санкт-Петербургского научного центра РАН
— к. истор. н., руководитель научно-организационного отдела
Елена Александровна Иванова.**

Здравствуйте, дорогие ветераны и участники круглого стола! Мне хотелось бы поздравить вас с великой замечательной Победой! И хотелось бы, чтобы вы как можно дольше продолжали бы свое дело — дело науки. Наука — прекрасная вещь, об этом сказали уже многие, и я хотела бы поздравить вас с тем, что вы, помимо того, что добились права заниматься наукой, начали заниматься ею и занимаетесь до сих пор. Мне хотелось бы поздравить вас еще раз, и надеюсь, что наш круглый стол приобретет постоянный характер и будет проходить неоднократно. Поздравляю вас!

**Приветствие от Библиотеки РАН — директор, профессор Ва-
лери́й Павлович Леонов.**

Дорогие участники Великой Отечественной войны, дорогие ветераны, дорогие коллеги! Мне сегодня очень приятно приветствовать вас от коллектива старейшей научной библиотеки страны, первой государственной библиотеки России, созданной по указу Петра в 1714 г., библиотеки Академии наук. Библиотека Академии наук работала всю блокаду, пережила самые тяжелые дни вместе с Ленинградом. И я сегодня хочу напомнить вам, что книги тоже сражались. Я захватил несколько книг того времени, с тем, чтобы показать вам, что делала наша библиотека в те нелегкие годы.

1942 год — в конце года руководство Академии наук решает провести научную сессию, посвященную 400-летию смерти Николая Коперника и 300-летию рождения Исаака Ньютона. Под руководством Сергея Ивановича Вавилова создается правительственная комиссия. Ученый секретарь комиссии обращается в библиотеку, чтобы привезти книги для этой научной конференции в Москву, для выставки. Двенадцать ящиков с книгами для выставки и международного книгообмена переправлялись на катере через Ладожское озеро, а затем по железной дороге в Москву. Груз сопровождали три сотрудника БАН — Константин Илларионович Шафрановский, Эсфирь Петровна Файдель и Глафира Федоровна Подозерская. Они привезли эти книги, и результатом этой конференции стал выпуск в 1943 г. в издательстве Москва—Ленинград сборника «Исаак Ньютон». Это удивительная книга. Она пострадала еще и от пожара 88-го года — видите, она тоже чуть-чуть закопченная осталась, но она хранит на себе следы этой памяти.

Еще один пример. 1943-й год. Я цитирую воспоминания Владимира Яковлевича Александрова: «Библиотека Академии наук работала и во время блокады, получая некоторые журналы даже из-за рубежа». Будущий академик Дмитрий Николаевич Насонов и Владимир Яковлевич Александров оставались учеными: показательно, что в вещмешке одного из них находилась и тетрадь с протоколами их последних опытов. Владимир Яковлевич, бывая в городе, заходил в БАН, где просматривал выставку новых поступлений и потом делился научными новостями с Дмитрием Николаевичем Насоновым. В самые последние дни перед началом войны они отправили в Швецию, в журнал «Acta zoologica», («Зоологические записки»), статью с изложением денатурационной теории. Были, однако, уверены, что она не дошла до редакции. Каково же было их удивление — и восторг! — когда Владимир Яковлевич увидел в БАН номер этого журнала с их статьей. Ему разрешили принести этот номер на передовую, чтобы показать Дмитрию Николаевичу». Вот этот журнал «Acta zoologica» с большой статьей, порядка тридцати страниц с огромным библиографическим списком. Нет надобности в том, чтобы передать вам то ощущение, когда они это увидели и принесли журнал на передовую. И наконец, еще один эпизод из жизни, взятый из книги историка-архивиста Иры Федоровны Петровской. Цитирую: «В 43-м году задумала написать историю русского исторического романа...(не меньше). Тогда в полной мере осознала изумительную прозу Пушкина и прочих его современников». Вот так! Это небольшие эпизоды, но таких очень много в истории нашей библиотеки. Мы, отмечая трехсотлетие, составили двухтомный биографический словарь сотрудников БАН, в котором 3443 персоналии с 1714 по 2014 г. Эта работа будет продолжаться, но память уже сохранена, она есть, она основа для дальнейшего развития. Я хочу пожелать вам здоровья, новых успехов, свершений. Знайте, что мы продолжаем ваше дело и будем передавать его своим детям и внукам. Доброго здоровья и с праздником 70-летия Великой Победы!

Приветствие Санкт-Петербургского политехнического университета и Научного совета по науковедению и организации научных исследований СПб НЦ РАН — академик Юрий Сергеевич Васильев.

Дорогие друзья, товарищи! Мне очень приятно отметить, что тема круглого стола — «Роль науки и техники в Великой Отечественной войне». Тут можно было бы привести массу примеров, но я хотел бы

остановиться на трех. Первое: все присутствующие здесь помнят академика И. А. Глебова. Он сумел усовершенствовать теорию стрельбы. И многие его разработки для фронта являются научными достижениями. А теперь про вклад нашего Политехнического университета. Напомню присутствующим, что огромную роль в поддержании жизни и деятельности горожан блокадного Ленинграда играла Дорога жизни. Обеспечение транспортом в зимний период во многом зависело от решений, которые были приняты нашими учеными. Находясь на Ладоге, они давали саперам советы, как укрепить лед, как организовать и продлить срок жизни этой дороги. И еще несколько таких штрихов. Наш металлургический факультет сумел организовать производство гранат, и это производство вошло в оборонную промышленность. Вспоминать можно было бы и пофамильно, но это довольно большое количество людей. Я думаю, не только Политех, но и другие высшие учебные заведения нашего города принимали непосредственное участие в обороне нашего великого города. Мне хотелось бы подчеркнуть колоссальный вклад фронтовиков, которые приняли участие в восстановлении разрушенного народного хозяйства. И их усилия довольно быстро увенчались успехом. Наверное, за 7–8 лет нам удалось во многом восстановить те потери, которые были нанесены немецко-фашистскими захватчиками. Об этом тоже нельзя забывать. И я хотел обратить внимание всех присутствующих, что сейчас настала пора выступить против фальсификации истории. Об этом говорят по телевидению и в других средствах массовой информации, и нам, негоже замалчивать те выпады, которые совершаются в отношении наших военачальников... Я не буду развивать эту тему и призываю всех участников обратить внимание на это. И в заключение обращаюсь к присутствующим сегодня здесь ветеранам Великой Отечественной войны. Желаю вам крепкого здоровья, долгих лет плодотворной деятельности! Будьте всегда с нами!

Приветствие Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН — директор, профессор Эдуард Израилевич Колгинский.

Мне бы хотелось сегодня сказать многое о ветеранах нашего небольшого учреждения. Численность филиала всегда была не больше сорока человек, ядро в нем, до последнего времени, составляли ветераны войны. Первый заведующий нашего отделения Б. В. Федоренко, прошел всю войну. Из девяти руководителей нашего учреждения

Федеральное агентство научных организаций России

Российская академия наук
Санкт-Петербургский научный центр

Санкт-Петербургский филиал Федерального государственного бюджетного
учреждения науки Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова
Российской академии наук

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук»

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Санкт-Петербургский
политехнический университет императора Петра Великого»

Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры
Дом ученых им. М. Горького Российской академии наук

Санкт-Петербургский союз ученых
Российская ассоциация содействия науки

КРУГЛЫЙ СТОЛ
«СОВЕТСКИЕ УЧЕНЫЕ
И
ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА»

в рамках XXXVI годичной международной научной конференции
Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета
по истории и философии науки и техники «Советская наука и техника
в годы Великой Отечественной войны (К 70-летию Великой Победы)»

21 апреля, вторник, 15.00

Малый конференц-зал СПбНЦ РАН
Университетская наб., 5

Санкт-Петербург

2015

Приветствие Института истории естествознания и техники
им. С. И. Вавилова РАН, СПб филиал – ученый секретарь,
к. соц. н. *Айшулова Надежда Алексеевна* (ведущий круглого стола)

Приветствие Федерального агентства
научных организаций России –
помощник руководителя ФАНО России
Кадымов Дмитрий Сергеевич

Приветствие Комитета по науке
и высшей школе Правительства
Санкт-Петербурга – первый
заместитель председателя Комитета
по науке и высшей школе
правительства Санкт-Петербурга
Ганус Ирина Юрьевна

Приветствие Законодательного
собрания Санкт-Петербурга –
к. ф. н. *Шелищ Петр Борисович*

Приветствие Санкт-Петербургского
политехнического университета
и Научного совета по науковедению
и организации научных исследований
СПбНЦ РАН – академик
Васильев Юрий Сергеевич

Приветствие Санкт-Петербургского научного центра РАН – руководитель
научно-организационного отдела к. и. н. *Иванова Елена Александровна*

Приветствие от Библиотеки РАН –
директор, профессор
Леонов Валерий Павлович

Профессор, д. филос. н.,
заслуженный деятель науки РФ, гл. н. с.
Кугель Самуил Аронович

Приветствие Института истории
естествознания и техники
им. С.И. Вавилова РАН,
СПб филиал – директор, профессор
Колгинский Эдуард Израилевич

Приветствие Санкт-Петербургского
Института истории РАН –
директор, профессор
Смирнов Николай Николаевич

Приветствие Социологического института РАН –
заместитель директора, к. соц. н. *Бояркина Сания Исааковна*,
руководитель образовательного центра, к. соц. н. *Родионова Алла Викторовна*

Приветствие Санкт-Петербургского государственного университета
промышленных технологий и дизайна – к. тех. н., доцент
Петров Евгений Николаевич

Поздравление заведующей дошкольного образовательного учреждения
детского сада № 4 Василеостровского района города Санкт-Петербурга
Козаневской Юлии Вячеславовны

Поздравление воспитанников государственного дошкольного
образовательного учреждения детского сада № 4
Василеостровского района города Санкт-Петербурга

Участники Круглого стола

Поздравление лауреата международных конкурсов, баритона
Пахмутова Александра

Выступление с докладом — Цамутали Алексей Николаевич

Выступление с докладом — МIRONENKO Олег Петрович

Выступление с докладом — *Карпеев Энгель Петрович*

Выступление с докладом — *Хмельницкая Ирина Ивановна*

Выступление с докладом – *Кривоносов Юрий Иванович*

Выступление с докладом —
Кузнецов Владимир Викторович

Выступление с докладом –
Манойленко Ксения Викторовна

Выступление с докладом — Петрова Евгения Дмитриевна

Поздравление профессора Самуила Ароновича Кугеля

Участники Круглого стола

Участники Круглого стола

пятеро были ветеранами Великой Отечественной войны. Я очень рад, что среди них Энгель Петрович Карпеев, который сейчас встречает с нами этот праздник. Исполнялось 300 лет со дня рождения Михаила Васильевича Ломоносова, и правительство приняло решение издать собрание сочинений. Если бы не было Энгеля Петровича, это собрание сочинений не вышло. Легендарная Юдифь Хаимовна Копелевич — участница обороны Ленинграда. Алексей Петрович Мандрыка, прибывший с фронта слепым, написал кандидатскую и докторскую диссертацию. Юрий Сергеевич Мелешенко встретил первые дни войны, был ранен. Мой учитель — Кирилл Михайлович Завадский был в блокаде, участвовал в просветительской работе на фронтах. Самуил Аронович Кугель — человек известный — прошел от Днепра до Вены. Николай Александрович Толоконцев воевал всю войну, с первого до последнего дня. Он недолго возглавлял наше учреждение, а когда наступила очередная реорганизация, он ушел в другое место. Даниил Владимирович Лебедев прошел всю войну, всегда говорил: «Нет! Не может быть равнодушия в науке» и каждый раз нужно браться в бой. Даниил Владимирович сыграл решающую роль в теоретическом обосновании разгрома Т. Д. Лысенко в 50-е годы прошлого века. Здесь названы только главные имена, только те, которые оказали наибольшее влияние на историю нашего института. Не знаю, удастся ли вам передать то, что они передали нам, но я бы этого очень хотел. Поэтому, дорогие наши ветераны, дорогой Самуил Аронович, Энгель Петрович, я желаю вам долгих лет жизни не только на славу нашего учреждения, но и российской науки.

**Приветствие Санкт-Петербургского Института истории РАН
— директор, профессор *Николай Николаевич Смирнов*.**

Глубокоуважаемые коллеги! Прежде всего, мне бы хотелось от имени нашего научного коллектива поздравить присутствующих здесь ветеранов Великой Отечественной войны с замечательным праздником Победы. К сожалению, семидесятую годовщину мы отмечаем, обнаружив, что целый ряд людей, которые постоянно были рядом с нами, ушли из жизни. Что поделать, такова судьба ветеранов. Но тем дороже для нас те, кто находится сегодня в этом зале, те, кто работает у нас в институте. Позвольте пожелать вам огромного счастья, здоровья, успехов в вашей творческой жизни.

И вторая часть моего выступления посвящена круглому столу, который начинается сегодня, который посвящен истории нашего госу-

дарства, науки и техники в годы Великой Отечественной войны. Мне хотелось бы пожелать участникам новых открытий, пожелать им, чтобы они не поддавались на провокационные заявления, которые сегодня, к сожалению, звучат, из уст историков, из уст специалистов бывших республик Советского Союза. Мне хотелось бы, чтобы они помнили и понимали, что призывы забыть Великую Отечественную войну, которые звучат в современной Украине, — это попытка принизить значение той огромной роли, которую советское государство сыграло в борьбе с нацистской Германией. К сожалению, не только из Украины, но и из других бывших республик Советского Союза раздаются все чаще и чаще голоса, которые пытаются внушить подрастающему поколению мысль о том, что советские войска выполняли применительно к их народу ту же миссию, которую выполняла и нацистская Германия. Я думаю, что в ходе круглого стола, который будет проходить сегодня, подобные заявления найдут достойный отпор. Есть еще одно поручение, которое я и с огромным волнением, и с огромным сожалением выполняю. Среди тех, кто сегодня должен был выступить перед вами, был Александр Завельевич Ваксер. К сожалению, он болен и передает всем участникам конференции свои самые добрые пожелания, а участникам Великой Отечественной войны, ветеранам, желает крепкого здоровья, большого личного счастья. Позвольте еще раз поздравить вас с наступающим праздником 70-летия Великой Победы и пожелать участникам конференции новых творческих успехов.

Приветствие профкома Санкт-Петербургского научного центра РАН — председатель *Сергей Александрович Окулов*.

Дорогие участники, ветераны войны! От имени нашего четырехтысячного профсоюзного объединения сердечно поздравляю вас и всех участников торжественного заседания с замечательным юбилейным днем Великой Победы над страшным и беспощадным врагом — фашистской Германией. Я сам, родившийся еще в нервное довоенное время в нашем великом городе, может быть, не разумом, а физически имел трагическую возможность воспринять детским организмом лишения и ужасы безжалостной захватнической войны. Вы же перенесли все эти тяготы в полной мере, душой и телом. Хочу искренне и тепло пожелать вам здоровья, любви и уважения, душевного комфорта и мира. Наша страна всегда стояла за мир, за доброе отношение между народами, но мы при этом никогда не были в роли слабого и безза-

щитного ягненка. «Мы мирные люди, но наш бронепоезд стоит на запасном пути». С великим праздником всех вас! Всего вам доброго!

Приветствие Социологического института РАН — заместитель директора, к.соц.н., Сания Исааковна Бояркина, руководитель образовательного центра, к. соц. н., Алла Викторовна Родионова.

Многоуважаемые ветераны! От имени Социологического института Российской академии наук, от лица его директора, Елисеевой Ирины Ильиничны, разрешите поздравить всех вас с этим великим днем. С праздником Великой Победы! Мы хотим пожелать вам долгой творческой жизни, полной событий и свершений; талантливых учеников, чтобы вы видели и знали, что ваше дело живет в их трудах; надежных соратников, единомышленников, чтобы вам никогда не было одиноко в вашем научном пути; родных, добрых друзей, близких рядом с вами, чтобы вы всегда были окружены вниманием и любовью. Примите слова благодарности от поколения тех, кто родился в годы после войны. Все более популярными становятся исследования культурно-исторической и социальной памяти. Каждое поколение, не будучи свидетелями, формирует свое представление о тех или иных исторических событиях. Память о Великой Отечественной войне является тем фундаментальным событием, которое объединяет разные поколения россиян. Огромное вам спасибо!

Приветствие Института цитологии РАН и воспоминания научного сотрудника Евгении Дмитриевны Петровой.

Дорогие друзья, разрешите поприветствовать вас и рассказать об истории 28-й женской школы в дни блокады Ленинграда. Но хотелось бы сначала поведать историю моей семьи. Моя семья была очень большая, дружная, состояла из семи человек. Папа — литейщик высочайшего уровня, мама работала на военном заводе, брат — исключительно одаренный мальчик, участвовал во всех турах олимпиад и попал на всероссийскую. Мне было двенадцать лет, я закончила четыре класса, когда началась война. Еще у нас были два двоюродных брата — студенты. Один учился на физико-математическом факультете, а второй — в Холодильном институте. Как только началась война, двоюродные братья ушли на фронт. Папа, будучи литейщиком-универсалом, получил «бронь» и работал на Выборгской стороне, на Государственном оптико-механическом заводе. Мама работала

на Механическом заводе на Васильевском острове. Мы жили на 3-й линии Васильевского острова. Брат Саша вместе со своими товарищами пытался уйти на фронт, сначала через военкомат, а потом просто пытался убежать, но безрезультатно. Мама устроила его к себе на завод, чтобы он получил рабочую карточку, хлеб там выдавали по двести пятьдесят граммов. Когда стало ясно, что Ленинград будут защищать, потребовались квалифицированные рабочие руки. Папа был нарасхват. К нему даже с Кировского завода приезжали учиться литью... Известно, что зима была лютая, снежная, поэтому молодых людей заставляли разгребать снег, в частности Сашу. В один из дней, работая, голодая, он ослабел, дойти до дома уже не мог, и к нам пришла женщина. Саша ей сообщил свою фамилию, имя, отчество и адрес. Женщина сама едва передвигалась. Это к вопросу о солидарности и о взаимопомощи — Ленинград и ленинградцы буквально были пронизаны этим. Мы с мамой Сашу привезли полуживым, а он все время повторял: «Третья линия, дом двадцать шесть, квартира два». Сашу мы потеряли. Когда трамваи перестали ходить, папа не мог ходить пешком на Выборгскую сторону, и он слег. Зима была лютая! Я с папой лежала в зимней одежде в кровати и в какой-то момент почувствовала, что папа умер, но подняться тоже уже не могла. Пришла мама, растопила буржуйку, сварила какую-то, как мы тогда называли, тюрю, я поднялась. Отца похоронили. Первым умер брат, вторым — папа. И только последней умерла бабушка, которая отказывалась от пищи в нашу пользу. У нее был очень сильный характер, она даже сердилась и, тем не менее, умерла последней. Сейчас я закончила рассказ о той полосе смертей и утрат, которые перенесла наша семья, — в первую очередь, мама. Мама была особенная. Наверное, все мамы особенные. Был сорок четвертый год. Черная тарелка на стене — радио — передает, что ведут колонну пленных немцев. И женщины ослабевшей рукой пытаются бросить в них камни. А мама, потерявшая в первую зиму мужа (папе было сорок два), сына (Саше было шестнадцать) и свою маму (бабушке было семьдесят пять), повторяет несколько раз, даже не для меня, просто вслух: «Не надо этого делать! Не надо этого делать. Они — пленные». Какой же мощный нравственный стержень был у этих людей! Дальше я хочу рассказать о нашей школе, двадцать восьмой женской средней школе, которая располагалась на 4-й линии В. О. Известно, что Васильевский остров — средоточие учреждений науки, культуры и образования. В нашей школе учились дети

выдающихся личностей: Саша и Марина Семеновны Тянь-Шанские, Нина и Валя Комаровские — дочери репрессированного ректора Киевского университета, профессора Комаровского, дочка Ивана Фомина — известного архитектора Ленинграда, Юля Самохвалова — дочка известного ленинградского художника Самохвалова, Ирочка Гагарина из знаменитого княжеского рода, и так далее. И, конечно, наши замечательные учителя. Клавдия Ивановна Блинова преподавала историю. Мудрая и строгая. И уже потом, много лет спустя, я поняла, какой она была замечательный администратор и хозяйственник — в то время это было просто жизненно необходимо, в том числе для школы. Математику преподавала Евгения Матвеевна Антонова — внучка генерала Антонова. Литературу — Александра Алексеевна Малиновская, выпускница Смольного института благородных девиц. Александра Алексеевна приучила нас к литературе, она же пригласила литературного редактора Александринского театра и с нами ставила различные спектакли. Многие читали стихи; я могу сейчас и час, и два читать стихи и те произведения, которые мы ставили в совершенно ужасных, казалось бы, условиях. Такой был у нас замечательный драмкружок в школе. И, самое главное, руководство города приняло не просто грамотное, но и мудрое решение — направить школьников с четвертого по десятый класс на сельскохозяйственные работы. И наша школа была направлена первый год — в сорок третьем году — в совхоз Пискаревский. Если вы помните, Юрий Воронов сказал: «Нам в сорок третьем выдали медали, и только в сорок пятом — паспорта». А в сорок четвертом году мы были направлены в совхоз, за работу в котором нам дали грамоту из парткома, где трогательно было написано: «Ученица пятого класса двадцать восьмой женской средней школы награждается почетной грамотой (внимание !) за стахановскую работу на полях совхоза Ленинградской области». Еще один эпизод. В начале сорок третьего года на 2-й линии Васильевского острова открылась баня. Мужчин и женщин пускали вместе. Смотрю — рядом стоит очень высокий мужчина, стоит и ничего не делает. Я подошла, говорю: «Хотите, принесу воды?». Откуда брались силы — сама не знаю! Принесла воды — облила его со спины и, видимо, в знак благодарности он оборачивается и говорит: «Девочка, ты любишь читать?». Я говорю: «Очень». А он: «А ты знаешь дом на набережной, который выходит на улицу лейтенанта Шмидта?». Я отвечаю: «Конечно, это дом ученых и академиков». Он говорит: «Я — один из них». Я говорю:

«Моя бабушка ходила в этот дом господам стирать белье». Он так посмотрел и отвечает: «Какие же мы господа? Мы очень много трудимся». Пережив блокаду, я имею право сказать о какой-то предопределенности событий. Судите сами: в мою обязанность входило, кроме учебы, приносить воду из Невы, отоваривать карточки и т. д. Так вот, стоим мы в очереди — это магазин номер девятнадцать на Среднем проспекте, между Второй и Первой линией — и я замечаю, что забыла карточки. Я побежала домой, а когда пришла обратно, очереди не было — прямо в нее попал снаряд. Когда у нас шел урок ботаники, в наш класс влетел снаряд, но не взорвался. Буквально на небольшом расстоянии мы видели, как он торчит. Мне кажется, что у каждого из нас есть своя судьба, и она в какой-то мере предопределена. Я хочу сказать, что, наверное, не случайно сегодня по православному календарю — Радоница. И вот когда вы приедете домой в тишине вспомните своих родных близких, родителей, через что они прошли, какими они были и какими остались — уж, сколько кому было отпущено... Я призываю поклониться памяти всех блокадников, всех людей старшего поколения, которые прошли через эту войну, выиграли ее и были достойными в совершенно жутких — в том числе блокадных нечеловеческих — условиях. Спасибо.

Приветствие Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна — действительный член Национальной Академии ювенологии, к. тех. н., доцент Евгений Николаевич Петров.

Дорогие друзья, коллеги! Я хотел бы от имени нашего коллектива — Государственного университета промышленных технологий и дизайна, конечно, — поблагодарить организаторов за этот замечательный праздник, который они нам устроили, и лично поблагодарить Самуила Ароновича Кугеля — нашего преподавателя, который работал у нас на протяжении долгих лет. Но сегодня, в этот день, мне хотелось бы прочитать вам свои стихи, которые касаются победы. Но, прежде чем я прочитаю это стихотворение, я хотел бы сказать, что в нашем институте в годы войны было многое сделано. Первое — это запалы для бутылок с зажигательной смесью, которые были созданы в нашей лаборатории и в ряде других вузов, в том числе в Политехническом институте (там тоже был создан филиал этой лаборатории, в которой готовились запалы, потому, что поджигать спичку на ветру — это было очень опасно). Второе, что было сделано в Текстильном инсти-

туте — это антифризная смесь и топливо для двигателей, поскольку в сильные морозы техника не могла двигаться. Наши ученые раздобыли на парфюмерной фабрике в блокадном Ленинграде неиссякаемые запасы духов и пихтового масла, что позволило ввести в строй бронетехнику-танки пошли в бой. Смешивали с духами эту смесь — танки пошли в бой. А когда танки пошли, появился запах духов! И вот, командир танковой дивизии сказал: «Что это такое?». А когда он узнал, что это наши ученые сделали, он сказал: «Поклонитесь низко вашим ученым». Третье, что было сделано — это добавка к хлебу, которую мы получали из отходов шерстопрядения. То есть, это была органика, которая обладала даже большим количеством витаминов. И ряд других. Но, вы знаете, когда я анализировал документы того страшного времени в архиве, я понял то, что работа продолжалась, учеба продолжалась. Почти каждый день выходил приказ: «В связи со смертью считать отчисленными». И фамилии пяти-шести человек. Это страшно. Но страхи позади, и сегодня мы должны сохранить традиции, сохранить любовь к Родине, любовь к тому, что мы защитили, к тому, чего мы добились.

Победа! Победа! Победа!
И море, и небо, и горы, и реки,
И рощи кричали.
Победа! Победа! Победа!
И люди, в горячих слезах обливаясь,
Рыдая от счастья, кричали и пели:
Победа! Победа! Победа!
Бежали потрогать руками,
Как будто слепые — потрогать одежду солдата,
Прижаться щекою к шинели, кострами пропахшей,
Махоркой и запахом Родины нашей.
Весной напоенной, листвою прозрачной
Цветами!
Победа! — шептали скупавшие губы,
Искрились глаза под лучами победного солнца,
И сердце стучало под звуки победного марша.
Под звуки победного марша шагали солдаты,
звенели медали.

Страницы Победы из бронзы:
За Бухарест! За Варшаву!

За Будапешт и Софию!
И орден Победы.
Такую Победу доныне не ведала Родина наша!
Планета не знала такую Победу доныне!
Планета не знала такую могучую силу народа,
Такую громадную волю к Победе,
И стойкости духа,
И дружбы народов,
И верности делу.
Не знала история наша доныне!
Она повернулась навечно. Навечно!
Мне трудно представить силу родного народа!
Примером мне служит та мать, потерявшая сына,
От пули сраженного в битве под Брестом.
И, выйдя на встречу, солдатам советским кричала:
Сыночки, родные, вернулись с Победы!
А на ночь в деревне солдаты расквартировались.
Все было для них с материнской любовью.
И всех перемыла, и всех обстирала, и всех обчинила
Той майскою ночью короткой —
Сыночков своих ненаглядных, солдат советских.
Едины понятия наши как мать и отчизна,
Поэтому вечно должна быть за нами Победа.
Победа! Победа! Победа!

Приветствие Дошкольного образовательного учреждения «Детский сад № 4» Василеостровского района Санкт-Петербурга — заведующая Юлия Вячеславовна Козаневская.

Здравствуйте, уважаемые ветераны! Мы от всей души поздравляем вас с этим великим праздником — с Днем победы! Желаем вам счастья, здоровья, благополучия! Мы благодарны вам за то, что вы отстояли нашу Родину. Сейчас наши маленькие воспитанники прочитают вам несколько стихотворений и от души поздравят вас.

Воспитанники дошкольного образовательного учреждения «Детский сад № 4» Василеостровского района Санкт-Петербурга.

Праздник мира в стране и весны.
В этот день мы солдат вспоминаем,
Не вернувшихся в семьи с войны.

В этот день мы чествуем дедов,
Защитивших родную страну,
Подаривших народу Победу
И вернувших нам мир и весну!

* * *

Сегодня ветерана каждого
Хотим поздравить всей душой,
В честь праздника такого важного,
Ведь день великий, день большой!
Он Днем Победы называется,
Так пусть удача к вам придет,
Все только лучшее случается
Во всем, конечно же, везет!

* * *

Еще тогда нас не было на свете,
Когда гремел салют из края в край.
Солдаты, подарили вы планете
Великий Май, победный Май!
Еще тогда нас не было на свете,
Когда в военной буре огневой,
Судьбу решая будущих столетий,
Вы бой вели, священный бой!

* * *

Был великий день победы
Много лет тому назад.
День победы помнят деды,
Знает каждый из внучат.
Светлый праздник День Победы
Отмечает вся страна.
Наши бабушки и деды
Надевают ордена.
Мы про первый День Победы
Любим слушать их рассказ,
Как сражались наши деды
За весь мир и за всех нас.

УЧЕНЫЕ ЛЕНИНГРАДА В ГОДЫ ВОЙНЫ И БЛОКАДЫ (по материалам дневников и рукописей)

Фотография 1950-х годов

Оборона Ленинграда — одна из наиболее героических и одновременно трагических страниц в истории Великой Отечественной войны. В рядах героических защитников города-героя были и многочисленные представители отечественной науки, научные сотрудники Академии наук и научно-исследовательских институтов, профессора и преподаватели высших учебных заведений.

Участию ученых в обороне Ленинграда было уделено большое внимание в исторической литературе. Этой теме посвятили свои труды такие известные историки как А. В. Кольцов¹, Г. Л. Соболев², С. В. Яров³.

Об участии ученых в обороне Ленинграда писал и автор настоящей статьи⁴. Серия статей об ученых Ленинграда во время блокады была напечатана в сборнике «Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию» (2010), в числе авторов были Б. Б. Дьяков, К. В. Манойленко, В. П. Леонов, Н. В. Колпа-

¹ Кольцов А. В. 1) Ученые Ленинграда в годы блокады (1941–1943). М.; Л., 1962; 2) Ленинградские учреждения Академии наук в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 // Ленинградская наука в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1995. С. 11–33.

² Соболев Г. В. 1) Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М.; Л., 1966; 2) Высшая школа и научно-исследовательская работа // Очерки истории Ленинграда. Т. 5. Период Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. Л., 1967. С. 552–577.

³ Яров С. В. Блокадная этика. Представление о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. СПб., 2011.

⁴ Цамутали А. Н. 1) Научная и культурная жизнь Ленинграда // В годы суровых испытаний. Ленинградская партийная организация в Великой Отечественной войне. Л., 1985. С. 345–388, 417–420; 2) Культурная и научная жизнь Ленинграда // Ленинградская эпопея. Организация обороны и население города. СПб., 1995. С. 132–151; 3) Наука в осажденном Ленинграде // Вестник молодых ученых 5'2002 (Исторические науки 1'2002). С. 3–14; 4) Все для фронта! // Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2010. СПб., 2011. С. 25–44.

кова, И. В. Тункина, С. Б. Ульянова, В. А. Зверев¹. В числе исторических источников, на основании которых были написаны эти исследования, не только документальные материалы из архивов, но также дневники и воспоминания ученых-участников обороны Ленинграда.

Значение таких источников как дневники и воспоминания об обороне Ленинграда может быть темой специального монографического исследования. В настоящем кратком очерке сделана попытка обратить внимание на разнообразие дневников и воспоминаний, воссоздающих деятельность ученых в осажденном городе, подчеркнуть значение этого вида источников для более полного раскрытия событий, связанных с обороной Ленинграда. Дневники и воспоминания ученых разнообразны по форме. Так С. Э. Фриш в книге «Сквозь призму времени. Воспоминания» (М., 1992) посвятил блокадной эпопее один из разделов. А. Н. Болдырев в дни блокады стал вести дневник, предельно откровенный, даже беспощадный, особенно в той части, где он касался страданий от голода. Дневник А. Н. Болдырева был издан в 1998 г. под названием «Осадная записка. (Блокадный дневник)». Подробный дневник на всем протяжении блокады вел Г. А. Князев. Этот дневник под названием «Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945» был издан Н. П. Копаневой в 2009 г. Оставил воспоминания о блокаде и Б. Б. Пиотровский².

Особое место среди воспоминаний имеют воспоминания Д. С. Лихачева³ (к ним мы еще вернемся), проникнутые стремлением рассказать всю правду о страданиях ленинградцев в годы войны и блокады.

Воспоминания более отчетливо, чем документы, передают настроение ленинградцев, продолжавших, несмотря ни на что, работать и не терять веру в грядущую победу нашего народа. Так, С. Э. Фриш описывает настроение, царившее в его семье и среди его близких в самые трудные для Ленинграда дни, когда после падения Тихвина возникла угроза полного окружения города, «когда связь с внешним миром прекратилась». С. Э. Фриш отмечал, что и в эти дни ленинградцы сумели сохранить выдержку. Он писал, вспоминая эти дни: «Тем не менее, население сохраняло спокойствие. Не было проявлений паники, не возникало эксцессов. Люди глубоко затаили свои опасения и свое горе». Те, кто окружал С. Э. Фриша «упорно пытались поддерживать нормальный образ жизни,

¹ Труды Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2010. СПб., 2011. С. 25–113.

² *Пиотровский Б. Б.* Блокадный Ленинград. (Зима 1941/42 г.) // В годы войны: Статьи и очерки. М., 1985. С. 5–24.

³ *Лихачев Д. С.* Как мы остались живы // Нева. 1991. № 1. С. 5–31.

выполнять какую-то работу». Он сам «с утра шел в деканат, занимался текущими делами, читал лекции, старался наладить работу в лаборатории». Его жена «Александра Васильевна в Электротехническом институте разбирала вместе с другими сотрудниками схемы взрывателей на трофейных образцах авиабомб, потом шла дежурить в военный госпиталь». Их племянник Вова аккуратно ходил на уроки в школу. «Вечером, собравшись все вместе, мы пили чай, делили последние куски хлеба», — писал С. Э. Фриш и добавлял: «Иногда после чая я приходил к Владимиру Михайловичу Чулановскому. Со свойственной ему систематичностью он развивал передо мной план улучшения лаборатории — план, который хотел осуществить после войны»¹.

Тяготы страшного быта первой блокадной зимы помогали переносить известия о контрнаступлении Красной армии под Москвой, на других фронтах. Весьма выразительна запись в дневнике А. Н. Болдырева. В нескольких фразах, написанных 17 декабря 1941 г., образ Ленинграда: «Город огромный, осажденный. Сдавленный мраком, морозом, голодом. В надрывных судорогах мечущийся в добывании пайка. Многотысячные, ночные, круглосуточные очереди и по крохе привоз в магазины. Постоянный обстрел. Замерзший транспорт. Смерть на улицах. Склады непогребенных на кладбищах. Полная неизвестность. Вести о далеких, далеких наших победах вздергивают в конвульсиях изможденную силу надежды. Вот наша осада»².

Многочисленные факты приводит Г. А. Князев. Здесь и слухи о назначении Г. К. Жукова вместо К. Е. Ворошилова на должность командующего Ленинградским фронтом в сентябре 1941 г., о назначении того же Г. К. Жукова командующим Западным фронтом в самые тяжелые дни битвы под Москвой, сведения о болезни и смерти академика С. А. Жебелева, порой просто картинки блокадного Ленинграда³. Живо описаны события 8 сентября 1941 г., когда впервые Ленинград подвергся массированному авианалету. «Когда я возвращался со службы, на отрезке моего малого радиуса — набережной Невы — чувствовалось неровное пульсирование жизни города. Николаевский мост был разведен. Движение происходило только через один Дворцовый мост. Поэтому пустынная Университетская набережная превратилась в магистраль. Вскоре между поднятыми разводными частями красавца моста показался корабль — ка-

¹ Фриш С. Э. Сквозь призму времени... С. 266–267.

² Болдырев А. Н. Осадная запись. (Блокадный дневник). С. 368.

³ Князев Г. А. Дни великих испытаний. Дневники 1941–1945. СПб., 2009. С. 180, 246, 371.

нонерская лодка с двумя дальнобойными орудиями. Корабль поднимался вверх по течению Невы. Река была оживлена. Военные судоходные катера волновали свинцовые сентябрьские невские воды... Недалеко от Дворцового моста корабль остановился и дал продолжительный свисток, чтобы его скорее пропустили дальше. По набережной прошел отряд матросов в походной форме и с шлемами на походных сумках. Какой-то автомобиль, весь покрытый грязью, с разбитым стеклом прокатил мимо. В Румянцевском сквере опять ожидали группы ленинградцев, отправляющихся на трудовую повинность. В автобусах ехали куда-то вооруженные и невооруженные рабочие... Так вдруг наполнилась жизнью, как река в половодье, моя пустынная дорога вдоль грядки с цветами и кустиками... Кстати, на днях их подстригли. Кто-то блюдет их даже в эти жуткие дни! Это меня как-то подкрепило, подбодрило.

На Съездовской линии у ворот казарм толпится народ. Ждут свидания с ранеными, размещенными там. Некоторые заглядывают в окна, откуда высовываются красноармейцы и матросы с забинтованными головами или руками...

В 7 часов 30 минут вечера, когда я отдыхал, вдруг затрясся весь наш дом. Раздавалась стрельба из зениток и пулеметов. Первое мгновение было жуткое. Но сразу же взял себя в руки, поборов первое стремление уйти, убежать от опасности... На дворе толпился народ у бомбоубежища. Крауш привезла туда своего больного ребенка. Все смотрели на небо. Соседи пришли сказать, что у них из окон на юг видно громадное зарево и столбы густого дыма, которые заволокли все небо. Действительно, когда я пошел посмотреть — за Невой полыхало пожарище. Даже в воде оно отражалось. Некоторые предполагали, что прорвавшимся немецким бомбардировщикам удалось зажечь нефтехранилища где-то у Волковой деревни...

10 часов 30 минут. Опять тревога. Вышел на лестницу. Прожектора обыскивают небо. Стреляют зенитки. Возвратился к себе в кабинет и сижу в пальто, в фуражке и калошах под колпаком своей зеленой лампы и пишу... М. Ф. шутит: «Ты совсем как Архимед». Дом вздрагивает, но не так, как давеча. До тревоги успел позвонить на службу. Там все дежурные наготове. Мы с М. Ф. поужинали. Собрали свои узелки с вещами, деньги. М. Ф. ушла в свой санпост.

12 часов 30 минут. Тревога продолжается. С судов на Неве иногда раздаются выстрелы. Соседи еще не вернулись, сидят на ступеньках лестницы вниз. Сегодня весь Ленинград, по-видимому, не будет спать.

Итак, на семьдесят девятый день войны началась бомбежка Ленинграда. Впереди, пожалуй, предстоит много еще таких тревожных ночей. Чашу испытаний нужно будет выпить до дна, трудную чашу»¹.

Д. С. Лихачев писал свои воспоминания, стремясь рассказать всю жестокую правду о жизни в блокадном Ленинграде. Он подчеркивает, что не собирался печатать свои воспоминания, а писал для близких. «В среду 26 июня 1957 года мы с мамой (моей женой) решили поехать из Зеленогорска в город не обычным путем (поездом или автобусом), а теплоходом с Золотого пляжа... Вот мы и отправились на Золотой пляж к пристани и прошли как раз мимо тех дач, в одной из которых ранней весной (или, вернее, поздней зимой, так как лежал еще снег) 1941 года во втором этаже мы собирались снять на лето комнату. Собирались, но не сняли... Мы с мамой спросили друг друга: «А что, если бы мы эту дачу сняли, — остались ли бы мы живы?». Так возникла у нас мысль записать для наших детей по возможности все то, что сохранила нам память о событиях 1941–1942 годов.

Будем записывать — не претендуя ни на систематичность, ни на особую литературность»². «Я не собирался печатать своих записок. Они написаны для дочерей и носят вполне домашний характер»³.

Однако, стремясь предельно откровенно рассказать о трагических событиях, Д. С. Лихачев пишет о том, с каким мужеством и упорством вели себя люди, оказавшиеся в осажденном городе. «Умер В. Л. Комарович. В его смерть трудно было поверить. В сентябре он приходил к нам такой бодрый и деятельный, учил нас менять вещи на провизию, делал утешительные прогнозы.

О смерти В. Л. Комаровича рассказывала мне Т. Н. Крюкова (его ученица по Нижегородскому университету) и И. Н. Томашевская. Вот как это было. В. Л. уже лежал, а Театральный институт решили эвакуировать. Решили ехать Жура (дочка Василия Леонидовича, которая училась в этом Театральном институте) и Евгения Константиновна (жена Василия Леонидовича). Отца они решили бросить: он бы не смог доехать. Его хотели оставить в вот-вот открывающемся стационаре для дистрофиков Союза писателей. В Ленинграде положение немного начинало улучшаться, и для писателей и ученых, умирающих от голода, начинали открываться «стационары», где их «в отрыве от семьи» (всех не накормишь!) немножко подкармливали. В Доме писателя готовили

¹ Там же. С. 161–162.

² Лихачев Д. С. Как мы остались живы ... С. 5.

³ Там же. С. 31.

уже помещение для умиравших писателей. Диетической сестрой там должна была быть И. Н. Томашевская. Открытие стационара откладывалось, а эшелон должен был уже отправляться дорогой смерти. И вот Жура (дочь) и Евгения Константиновна (жена) вынесли Василия Леонидовича из квартиры, привязали к сиденью финских санок и повезли через Неву на улицу Воинова. В стационаре они встретили И. Н. Томашевскую и умоляли ее взять Василия Леонидовича. Она решительно отказалась: стационар должен был открыться через несколько дней, а чем кормить его эти несколько дней? И вот тогда жена и дочь подбросили Василия Леонидовича. Они оставили его внизу — в полуподвале, где сейчас гардероб, а сами ушли. Потом вернулись, украдкой смотрели на него, подглядывали за ним — брошенным на смерть. Что пережили они и что пережил он! Когда в открывшемся стационаре Василия Леонидовича навестила Таня Крюкова, он говорил ей: «Понимаешь, Таня, эти мерзавки подглядывали за мной, они прятались от меня!» Василия Леонидовича нашла Ирина Николаевна Томашевская. Она отрывала хлеб от своих мужа и сына, чтобы подкормить Василия Леонидовича, а когда в стационаре организовалось питание, делала все, чтобы спасти его жизнь, но у него уже была необратимая стадия дистрофии. Необратимая стадия — это та стадия голодания, когда человеку уже не хочется есть, он и не может есть: его организм ест самого себя, съедает себя. Человек умирает от истощения, сколько бы его ни кормили. Василий Леонидович умер, когда ему уже было что есть. Таня к нему заходила: он походил на глубокого старика, голос его был глух, он был совершенно сед. Но мозг умирает последним: он работал. Он работал над своей докторской диссертацией! С собой у него был портфель с черновиками. Одну из его глав (главу о Николе Заразском) я напечатал потом в Трудах Отдела древнерусской литературы (кажется, т. V или VI). Эта глава вполне «нормальная», никто не поверил бы, что она написана умирающим, у которого едва хватало сил держать в пальцах карандаш, умирающим от голода! Но он чувствовал смерть: каждая его заметка имеет дату! Он считал дни. И он видел Бога: его заметки отмечены не только числами, но и христианскими праздниками. Сейчас его бумаги в архиве Пушкинского дома. Я передал их туда после того, как их передала мне Т. Н. Крюкова, и я извлек из них главу о Николе Заразском»¹.

В исторической литературе говорится о создании учеными Ленинграда научно-популярных книг о героическом прошлом русского народа.

¹ Лихачев Д. С. Как мы остались живы ... С. 22–23.

Среди них называют и книгу Д. С. Лихачева и М. А. Тихановой об обороне древнерусских городов. В воспоминаниях Д. С. Лихачева интересные детали о том, как создавалась эта книга. «Дома я начал не только собирать материал по средневековой поэтике (тетради у меня сохранились), но и писать. Дело в том, что М. А. Тиханову вызывали в Смольный и предложили ей организовать бригаду для скорейшего написания книги об обороне русских городов. М. А. Тиханова предложила меня в компаньоны. С ней вместе мы отправились в Смольный (это путешествие было для меня нелегким). От площади Смольного до главного здания все было закрыто маскировочной сеткой. В Смольном густо пахло столовой. Люди имели сытый вид. Нас приняла женщина (я забыл ее фамилию). Она была полной, здоровой. А у меня дрожали ноги от подъема по лестнице. Книгу она заказала нам с каким-то феноменально быстрым сроком. Сказала, что писатели пишут на ту же тему, но у них работа идет медленно, а ей (!) хочется, чтобы она была сделана быстро. Мы согласились, и в мае наша книжка «Оборона древнерусских городов» была готова. Она вышла осенью 1942 года. Я писал в ней главы “Азов — город крепкий”, “Псков” и еще что-то. Больше половины глав — мои. У М. А. Тихановой там написана глава о Троице-Сергиевой лавре, введение и заключение. Сдавали мы рукопись в Госполитиздат — Петерсону (впоследствии умер под арестом — по «ленинградскому делу»). Писалось, помню, хорошо — дистрофия на работе мозга еще не сказывалась»¹.

В настоящей статье лишь упомянуты некоторые эпизоды, связанные с деятельностью ученых в осажденном городе. Предстоит еще подробно рассказать о многогранной деятельности научных сотрудников академических и научно-исследовательских институтов, профессоров и преподавателей высших учебных заведений, внесших посильный вклад в оборону Ленинграда. Это будет знаком нашего уважения к памяти тех, кто не дрогнул в трудные дни войны и блокады и до конца защищал родной город и всю нашу страну от вражеского нашествия.

¹ Лихачев Д. С. Как мы остались живы ... С. 26.

ВОЙНА, ФРОНТ: ДЕНЬ ПЕРВЫЙ, ДЕНЬ ПОСЛЕДНИЙ

Фотография военных лет

В 1939 г., окончив среднюю школу в городе Омске, я поступил в Ленинградский военно-механический институт. Тогда же в связи с началом Второй мировой войны был призван в Красную армию и направлен для прохождения службы в Качинскую краснознаменную школу летчиков красноармейцем. Весной 1940 г. мы — вчерашние студенты — успешно окончили школу младших специалистов (ШМАС) и были распределены по учебно-летным эскадрильям. Работал сначала мотористом, а затем мастером по приборам.

Во второй половине года после завершения «странной войны» и разгрома Франции, угроза нападения на СССР многократно возросла. В Крыму, в Севастополе, она ощущалась особенно сильно. На севере разгорался советско-финский конфликт. Летчики, техники и мотористы Качи принимали в нем непосредственное участие. Поступали сведения, что в Турции формируется крупное англо-французское авиасоединение, призванное помочь Финляндии бомбардировками Севастополя. Надеялись помириться с Гитлером и ударить совместно по Советскому Союзу. Боевые тревоги следовали одна за другой. Вместо пяти эскадрилий было организовано десять. Среди этой круговерти можно выделить один важный шаг командования школы: в начале лета 1941 г. все эскадрильи из основной базы были удалены и рассредоточены в лагерях. Эта дальновидность спасла нас от потерь в первые дни войны.

Суровое и безлюдное северокрымское плато прорезывали долины небольших речушек. Наиболее близкими к Севастополю были долины рек Качи и Альмы. К лету полноводный ручей, вблизи которого на всем протяжении ютились утопавшие в виноградниках татарские деревушки, пересыхал, превращаясь в едва видный ручеек. В устье одной ногой можно было встать в пресную альминскую воду, а другой — пополокаться в Черном море. Наш лагерь был типичным армейским лагерем

того времени. И штаб, и столовая, не говоря о «спальнях» для летного и технического состава, размещались в палатках. Метрах в трехстах от него находились стоянки самолетов.

Режим вдали от основной базы был легче. Офицеры на воскресенье уезжали к семьям, оставались только дежурные. К тому же, в середине июня последовало знаменитое опровержение ТАСС, в котором официально заявляли, что все сообщения мировых СМИ о назревающем конфликте СССР и Германии не соответствуют действительности (в послевоенные годы неоднократно предпринимались попытки оправдать инициаторов этой дезинформации, которая была скорее преступной глупостью).

21 июня мы спокойно поужинали и легли спать в надежде, что уж теперь-то после этого заявления нам дадут выспаться и немного отдохнуть. Увы... Около четырех часов утра в палатку вбежал дневальный и подал команду: «Боевая тревога!» Мы проснулись, но вскакивать никто не спешил. Все знали, что командиров нет — они уехали на выходной в Качу, к семьям. А без них к стоянкам караул не допустит. Так дежурный носился из палатки в палатку, крича о тревоге. Все устали от глупых воскресных тревог, непрерывной напряженной работы.

Наконец приехали командиры. Все поднялись моментально и побежали к стоянкам. Однако не было инженера эскадрильи (по образованию все инженеры эскадрилий тогда были техниками). Только он сдавал стоянку караулу, и только он по Уставу караульной службы мог принять ее от него. Начались поиски инженера, который, как оказалась, ночевал неподалеку в татарской сакле. Сон с него слетел мгновенно. Наконец машины расчехлили. Тем не менее, никаких команд далее не следовало. Все сидели и ждали, кляня начальство за еще один испорченный выходной день. Уже часов в 11 последовала команда перебазироваться на запасной аэродром. Быстро и привычно начали готовить самолеты к вылету, грузить необходимый инструмент и прочие приспособления. В разгар этой работы в начале 1-го часа увидели бегущего взволнованного замполита. Он и закричал: «Война!».

Не помню, был ли митинг, не было ли его. Дело и место свое каждый знал хорошо. Паники не было. Вести стали поступать валом: о выступлении Молотова, о налете вражеских бомбардировщиков на Севастополь, бомбежке наших основных аэродромов. На следующую ночь мне довелось это увидеть. Так неожиданно и неорганизованно началась для нас война. Через день или два поступил приказ о срочной эвакуации школы в тыл. Летчики полетели на самолетах за несколько тысяч кило-

метров. Долетели, естественно, не все. Перебазирование же огромного хозяйства — операция исключительной сложности — легло на плечи оставшихся.

Куда направлялся эшелон, мы не знали. Наконец достигли Волги, и вскоре последовала команда: «Приехали, разгружайся!» Огляделись. Станция маленькая. Невдалеке городок. Оказалось — Красный Кут. Время шло, а начать нормальную учебно-летную работу не удавалось. Мы, без преувеличения, голодали. Что думал, чем жил в те трагические дни? Точно воспроизвести прошедшее уже невозможно. Осталось только чувство глубочайшей растерянности и непонимания происходившего на фронте. Сдавались родные города. Гитлеровцы были уже в Смоленске, Вязьме... Перед Октябрьскими праздниками командованию школы поступил приказ срочно сформировать авиационный полк, который должен был принять участие в решающих боях за Москву. Командиром полка назначили главу нашей эскадрильи майора Воротникова, которому предоставили право отобрать лучших летчиков и техсостав в формирующийся полк. Хотя школа не располагала новыми машинами, но техника тоже выделялась наиболее «новая». В состав полка был зачислен и я. Разместили нас в бывшем клубном помещении. Зима наступила в тот год необычайно рано. Грянули сорокаградусные морозы. Снега выпало много. Первым делом выдали зимнее обмундирование, которым располагала школа. Оно было адаптировано к условиям Крыма.

Полк еще формировался, а мы уже принимали истребители И-16, которые по своим тактико-техническим данным значительно уступали немецким. Создавалась команда, которая должна была сопровождать машины, направлявшиеся на фронт, к Москве. В команду включили 10–15 техников и меня — единственного сержанта — с задачей обслуживать нагревательную печь и обеспечивать работу приборов. Мы должны были лететь. Остальной состав полка двигался эшелоном по железной дороге. Вскоре настало время погрузки на самолеты ТБ-3. На то время это были исполины. Лыжи — шириной с телегу. Из кабины летчика можно было проникнуть в центроплан, почти не сгибаясь. Баки с горючим были больше похожи на цистерны. Погрузили инструмент, мою печку, влезли сами. Держались за трубы и крепления. Взлетели после длительного разбега. Летели долго, замерзли, словно сосульки. После посадки побежали встречать наших «ишачков». Волновались, так как пилоты не имели опыта выпуска лыж и посадки на них. К вечеру почувствовал себя плохо. Пальцы ног оказались обмороженными. Вся спина и ягодицы покрылись фурункулами, поднялась температура.

Но уйти в санчасть не мог. Без моей печки нельзя было запустить моторы, а без осмотра и установки приборов — лететь. Решили, что меня на аэродром будут возить на санках и рядом тащить печку, помогать забираться в кабины. Погода капризничала.

Маршрут наш лежал прямо на Запад, к Подольску (юг Московской области), находившемуся недалеко от линии фронта. Приземлились благополучно. Вскоре прилетели и наши истребители. Боевое задание выполнено. Мы на фронте. Это было 4 декабря 1941 г. На следующий день — 5 декабря — полк вошел в состав действующей армии и начал боевую работу. Меня уложили в санчасть. Подлечили обмороженные ноги и немного сняли фурункулез. За спиной Москва и отступить дальше некуда. Это был не просто газетный лозунг, а общее глубокое внутреннее ощущение.

Настал 1942 г. Московская битва завершилась. Наш 627-й авиаполк отличился, но потери в личном составе и технике понес большие. Минули тяжелейшие весна и лето 1942 г. В подобном положении оказались и другие авиачасти. Осенью их расформировали, наша эскадрилья вошла в состав 172-го истребительного полка. Из трех таких же полков была создана 309-я истребительная авиадивизия, в составе которой мы прошли путь от подмосковной Кубинки до Берлина, участвовали в Орловско-Курской битве (1943), взятии Смоленска (1943), операции «Багратион» (1944) и других крупнейших сражениях, учились — и научились — воевать. Полк удостоился наименования «Белостокский» и ряда орденов. Ряд летчиков стали Героями Советского Союза, полными кавалерами орденов Славы. Все инженеры, техники, мотористы, офицеры и солдаты получили награды.

Подошел долгожданный 1945 г. В начале года я оказался в госпитале в польском городке Высокий Мазовецк — заболели глаза. Моим больным векам стало гораздо лучше. Неожиданно долечивание было прервано приказом командующего 2-м Белорусским фронтом: выписать всех, кто мог самостоятельно передвигаться, и направить в свои части. Через несколько дней все разъяснилось: поступил приказ Верховного главнокомандования о досрочном переходе в наступление. Решение было связано с просьбой Черчилля о помощи. Немцы развернули крупную и успешную операцию в Арденнах. Союзники оказались в сложной ситуации.

Не завершив до конца подготовку, наш фронт и 4-я Воздушная армия, в которую входила 309-я Смоленская краснознаменная авиадивизия, нанесли удар в направлении Пруссии. Началась знаменитая Восточно-

Прусская операция. Темп ее был очень высоким. Когда я на перекладных добрался до своего аэродрома, то там уже полка не оказалось, и мне лишь приблизительно указали направление, где его следовало искать. Ждать и догонять всегда не очень приятно. Где на попутных машинах, где пешочком начал «погоню», вскоре пересек границу Польши с Восточной Пруссией и увидел логово агрессора. Сколько мы мечтали об этом моменте! Теперь он настал. Огромные массы пехоты и техники шли маршем на Кенигсберг. Кровушка отливалась. События следовали с калейдоскопической быстротой. С одного фланга фронта перебрасывались на другой. Напряжение боевой работы на заключительном этапе войны было исключительным. Автомшины для переброски технического состава уже не подходили. Выделялись специальные самолеты Ли-2—Си-47. Получили новейшие машины Як-3 и Ла-7, признанные одними из лучших истребителей Второй мировой войны. Воевали напряженно и успешно. Соединение полковника В. Н. Вусса (наш командир дивизии) не раз упоминалось в приказах Верховного главнокомандующего.

Завершал боевые операции полк на аэродромах Алимцмюле и Темплина (район Берлина). Последние дни войны не были легкой прогулкой. В один из них поступило срочное сообщение, что значительная группировка немецких войск, пытавшаяся деблокировать Берлин и освободить Гитлера, прорвалась и движется в сторону нашего аэродрома. Вся его охрана состояла из нескольких зениток, расположенных на окраинах. Никакого вооружения кроме автоматов, винтовок и пистолетов мы не имели. Перебазировать машины и летный состав оказалось невозможно: не было горючего.

Начали готовиться к обороне. Поднимали хвосты на козелки: рассчитывали воспользоваться пушками и пулеметами самолетов, рыли окопы, щели. Надежды на спасение казались призрачными. Но паники не было. Все молча и сосредоточенно делали свое дело. Умирать в последние дни войны было горько и обидно. Надежды были лишь на госпожу Удачу. И она, к счастью, не подвела. Подкрепления подоспели вовремя. Наша танковая часть уничтожила немцев на подходе к аэродрому.

Буквально через считанные часы пришло известие о капитуляции Германии. Невозможно описать состояние, когда слушали это известие. Все! Война кончена! Победа!!! В воздух взвились сигнальные ракеты, начался импровизированный салют из всех видов оружия, которое было у нас. Стало известно, что ранее, 7 мая, американцы и англичане (в обход Верховного командования Красной армии) подписали Акт о капитуляции Германии. Сам этот факт вызвал глубокое разочарование, озабочен-

ность. И к ликованию по поводу победы у меня примешивался горький осадок, впечатление начинающегося разлада между союзниками.

На другой день бензин подвезли, и мы перелетели в Темплин (50 км севернее Берлина), роскошное охотничье поместье Геринга. Здесь мы и праздновали капитуляцию гитлеровской Германии, окончание войны. Вскоре перелетели на север Германии, в курортный городок Барт. Немного погодя пришла радиограмма: выделить отличившихся летчиков для участия в Параде Победы. А для части оставшихся командование дивизии организовало поездку в поверженный Берлин. Каждому полку выделили по открытому старенькому грузовику ЗИС-5, наскоро оборудованному для перевозки людей. Ранним июньским утром расселись по трем машинам по 25–30 человек и двинулись в неблизкий путь. Было жарко. Время от времени грузовики останавливались. Следовали традиционные команды: «Разомнись!», «Оправиться!»... и «марафон» возобновлялся.

Столица Третьего рейха предстала перед нами такой, какой неоднократно видел ее читатель на снимках и в кино: остовы разрушенных, сгоревших домов чередовались с полуразбитыми постройками. Кое-где из окон свисали белые простыни. Улицы пустынные. Мусор не убран. Город, особенно центр, точно вымер. Часа в два пополудни ЗИС наконец остановились неподалеку от Рейхстага. Площадь перед огромным тяжеловесным зданием или, вернее, тем, что осталось от него, поражала пустотой. Как-то не верилось, что мы не просто в столице фашистской Германии, а в самом ее сердце. Все было обыденно, буднично. Но что творилось в душе каждого — об этом едва ли расскажешь. Кто-то стоял молча, кто-то опрометью побежал по огромной лестнице в распахнутые настежь двери. Высоченный вестибюль с черными прокопченными стенами и пробитым снарядами потолком. На полу хлам, копать, сажа. Резкий, нестерпимый запах пожарища, который, казалось, въелся и в кирпич, и в металл, пропитал поры постройки. Выгорело все, что могло гореть. Кругом черно, голо, пусто. Метрах в 15–20 от входа начиналась парадная лестница на второй этаж. Простояв минут 10–15 молча, сняв фуражки перед памятью тех, кто прошел через этот ад, мы вышли, буквально задыхаясь от гари. Солнце сияло. Все взмокли от неизгладимого впечатления, волнения и жары. Ребята бросились к исписанным сотнями подписей стенам, чтобы тоже оставить свои автографы. Я не последовал за любителями настенной живописи. Понимал и то, что этот развал, хаос — не навсегда. Что Берлин восстанет из пепла. Значит, и Рейхстаг будет восстановлен. Да и с собой такой автограф не возьмешь.

А мне хотелось взять что-то на память. Не столько для себя, сколько для близких, родных, потомков. Обратил внимание на фрагменты парадной лестницы, на которых остались железные перила и фигурные украшения в виде цветков. С трудом открутил один цветок. Пока возился, все охотники автографов расписались на стене. Началось фотографирование на память по полкам. Минул полдень. Надо было поторапливаться. Последовала команда: «По машинам!». Так завершился наш дивизионный «Парад Победы». Сохранились только цветок и фотография. Смо-
трю на нее и комок подступает к горлу: в живых — только я один. Земля
им пухом! Светлая память всем!

О ДВУХ МАЛОИЗВЕСТНЫХ МЕРОПРИЯТИЯХ в истории подготовки и окончания Великой Отечественной войны

Фотография 1950-х годов

В этой небольшой статье мне хотелось бы сначала напомнить о том, что Правительство СССР еще до знаменитого заседания Верховного Совета 1939 г., посвященного подготовке к войне (переход на семидневную неделю, снижение призывного возраста с 19 до 18 лет, увеличение срока службы в Армии до четырех, а в ВМФ до пяти лет и мн. др.), решило, что необходимо создать специальные военные школы для подготовки школьников старших (8–10-го) классов к поступлению в военные училища.

Первыми в 1937 г. были созданы артиллерийские специальные средние школы в ряде городов страны, и пять из них в Москве. Предполагалось, что их выпускники имеют право поступать в любое во-

енное училище, но позже, когда утвердилось мнение, что артиллерия является «богом войны», выпускники могли поступать только в артиллерийские училища, число которых в это время заметно увеличивалось.

Опыт оказался удачным, и 22 июля 1940 г. было принято Постановление Совета народных комиссаров СССР «О создании военно-морских специальных средних школ» в Москве, Ленинграде, Горьком (Нижнем Новгороде), Владивостоке, Одессе и Баку, а 6 ноября того же года «О создании авиационных специальных средних школ» в Москве и в 14 других городах страны. Насколько мне известно, до начала войны создать такую школу удалось только в Москве.

Все вновь создаваемые спецшколы строились по образцам артиллерийских спецшкол. Они входили в систему Наркомпроса (Народного комиссариата по просвещению), но в их формировании участвовали соответствующие военные организации и Наркомат ВМФ. Все назначения

гражданских лиц (на должности директора, завуча и преподавателей) согласовывали с военным командованием, а на должности командира батальона и его замполита назначались находящиеся на военной службе кадровые офицеры.

Число учащихся во всех спецшколах было определено в 500 чел. Каждая рота делилась на пять взводов (параллельных классов), а командовали ротами и взводами классные руководители — как правило, отслужившие военную службу командиры (офицеры). Младшие командиры (старшины рот, помощники командира взвода, то есть старосты классов, и командиры отделений) назначались из учащихся. Все носили форму своего рода войск и только в военно-морских спецшколах бескозырки были без ленточек сзади; вместо них на левом боку ленту сворачивали в небольшой бант.

Предполагалось, что ряд предметов — математика, физика, черчение и некоторые другие — будут несколько преобразованы применительно к условиям военной специальности, но, по-видимому, времени на это не было, и программы всех предметов были такими же, как и в гражданских школах. Были добавлены уроки по основам военной специальности. Преподавательский состав был прекрасно подобран (во всяком случае, в 1-й московской военно-морской спецшколе) и учиться было интересно. Учащиеся жили дома, но летом выезжали в лагерь, где военную дисциплину соблюдали в полной мере.

Специальные военные школы были похожи на дореволюционные военные гимназии, учрежденные в России в 1863 г. и просуществовавшие до 1882 г., когда их преобразовали в кадетские корпуса. То же самое произошло с военными спецшколами, которые заменили Суворовскими и Нахимовскими училищами. Правда, одновременно с Нахимовским в Ленинграде несколько лет после войны существовало Подготовительное училище (на курсантском жаргоне «Подготия»), в котором также готовили к учебе в Высших военно-морских училищах им. М. В. Фрунзе и им. Ф. Э. Дзержинского.

Я поступил в Московскую военно-морскую спецшколу в 1940 г., в третью роту (в 8-й класс) и проучился в ней до 1943 г. Войну мы встретили в лагере, который размещался в Белом скиту тогда еще бывшего Валаамова монастыря. Затем 10 октября 1941 г. все семь спецшкол Москвы были отправлены в эвакуацию в различные города Сибири. Наша школа была целый год в Ачинске, где учеба продолжалась, поскольку преподавательский состав (и командный тоже) был эвакуирован вместе со школой.

Здесь нет нужды вдаваться во все подробности учебы и пребывания школы в других городах, важно то, что благодаря наличию спецшкол в военное время не было трудностей с набором в высшие военные училища. Так в 1943–1944 гг. в оба таких военно-морских училища были направлены выпускники военно-морских спецшкол. В 1943 г. я стал курсантом Высшего военно-морского инженерного училища им. Ф. Э. Дзержинского, которое в это время было в Баку, а в июле 1944 г. — реэвакуировано в Ленинград. Теперь можно перейти ко второму, тоже ныне малоизвестному событию.

Весной 1945 г., учебный процесс в училище шел полным ходом, в начале апреля было объявлено, что нужно отобрать 200 человек для участия в первомайском параде в Москве. Естественно, что основными желающими попасть в парадный расчет оказались выпускники Московской спецшколы, и я в их числе. Нагрузка на нас серьезно увеличилась, поскольку после лекций приходилось еще два-три часа заниматься строевой подготовкой к параду, но никто не роптал и мы отрабатывали все строевые приемы с усердием. Хотя в обычных условиях это было самым скучным и нудным занятием. Ведь даже еще Лермонтов в своей юнкерской молитве просил Бога избавить его от маршировки и не ставить «в парадировки».

15 апреля нас сняли с учебы и увезли в Москву. В поезде, когда появилось свободное время, мы стали обсуждать, в честь чего назначен этот парад. Одни считали, что подошло время вернуться к традиционным парадом, другие же называли его парадом победы, но уже в Москве прошел слух, что Сталин приказал к 1 мая взять Берлин и отпраздновать нашу победу над Гитлером таким парадом. У меня нет никаких документальных подтверждений этой версии, но думаю, что она очень близка к истине! Ведь тогда только Сталин мог принять такое решение.

В Москве нас поместили в казарму неподалеку от станции метро «Сокол», а муштровка шла на Болотной площади. Для перевозки было выделено 12 новеньких, выкрашенных в бело-синие цвета студебеккеров (мы их сразу окрестили «стадо Беккеров»), и когда колонна этих машин, на первой из которых развивался Военно-морской флаг, мчалась по Ленинградскому шоссе и улице Горького, на это красочное зрелище останавливались посмотреть многие москвичи. Другие приходили посмотреть наши тренировки на Болотной площади, правда, среди них было много родных наших курсантов. Я это пишу для того, чтобы объяснить, как это влияло на наше настроение, к тому же, стояла прекрасная солнечная погода, все ощущали победное окончание войны, и после долгой разлуки мы снова в родной Москве!

Для нас Первомайский парад был вторым. На первом, 1 мая 1941 г., парадный расчет нашей спецшколы завершал прохождение воинских частей. Это был первый случай, когда по Красной площади шли мальчишки в морской форме. А подавляющее большинство из нас впервые воочию видели Сталина (тогда это было событием!).

Первомайский парад 1945 г. был непродолжительным. В нем участвовали войска Московского гарнизона, две «коробки» курсантов военноморских училищ из Ленинграда — им. Дзержинского, им. Фрунзе и Высшего военноморского инженерно-технического краснознаменного (ВИТКУ). Впервые в параде на Красной площади появились учащиеся недавно созданных Суворовских училищ. Если мне не изменяет память, в параде участвовало училище из г. Калинина (ныне Тверь).

Я не могу сказать, проходила ли за нами техника, но если и проходила, то недолго. Дело в том, что по ритуалу парадов, после прохождения воинской частью Мавзолея командир, идущий впереди, сворачивал к нему и становился в шеренгу других командиров. А мы, миновав Варварку, остановились ждать своего командира на площади Ногина (ныне Славянская площадь). Перекур длился не более тридцати-сорока минут, и закончился, когда он вернулся с Красной площади. А ведь ему еще нужно время, чтобы дойти до нас.

Вернувшись, он сообщил, что по решению городских властей наш полк должен пройти маршем по улице Горького до Белорусского вокзала. Когда мы вышли на улицу Горького, оказалось, что она заполнена настроенной празднично массой людей, через которую пришлось расчищать путь нашей колонне. Тогда мы запели Марш энтузиастов. Стены домов усиливали и без того мощный хор наших голосов, а слова песни: «Знамя страны своей, пламя души своей мы пронесем через миры и века!» подхватывали и в праздничной толпе.

Я в тот момент испытывал невероятный подъем духа и ощущение счастья от наступавшей мирной жизни и тех возможностей, которые раскрываются впереди. Сознаюсь, что ничего похожего на это состояние души у меня никогда больше не было...

А взятие Берлина Москва отметила на следующий день громом салюта, множеством ослепляющих лучей прожекторов, часть из которых была направлена на висящий в небе под аэростатом большой портрет Сталина, и захватывающим ликованием заполнивших улицы города людей.

Закончу небольшим добавлением: военноморской курсантский полк полностью в том же составе 24 июня 1945 г. участвовал в Параде Победы, но это другая тема.

ДОМ УЧЕНЫХ ИМ. М. ГОРЬКОГО РАН в годы Великой Отечественной войны

Запомни ж все: пускай навеки память
До мелочи, до капли сохранит
Все, чем ты жил, что говорил с друзьями
Все, что видал, что делал в эти дни...

О. Ф. Берггольц

К началу Второй мировой войны Дом ученых им. М. Горького РАН с некоторым перерывом успешно работал уже около 20 лет и приобрел большой авторитет и сложившиеся традиции.

В 30-е годы, когда Совет Дома возглавлял Н. И. Вавилов, число членов Дома ученых составляло более 2800 человек. Здесь были представлены все категории научных работников, а также представители творческих союзов художественной интеллигенции: действительные члены АН — 38 человек (1,3 %); профессора — 1426 (49,7 %); доценты и старшие научные сотрудники — 1110 (38,7 %); ассистенты и аспиранты — 57 (2,0 %); писатели — 17 (0,6 %); деятели искусства — 99 (3,4 %); руководители вузов и НИИ — 124 (4,3 %).

Довоенный период Дома отмечен плодотворной работой художественного, детского, военно-шефского отделов; особенно активной была деятельность научных секций. В 1939 г. действовали: 11 научных секций, 9 кружков художественной самодеятельности, 4 спортивные секции. Немало всесоюзных и международных научных конференций было проведено в те годы в стенах ленинградского Дома ученых.

С началом Великой Отечественной войны деятельность Дома ученых и условия труда существенно изменились. В городе на второй день войны было объявлено военное положение, защитниками Ленинграда стали буквально все его жители. Деятельность Дома ученых не прекращалась ни на один день и проходила в сложнейших условиях: сотни научных работников уходили на фронт, часть ученых вместе со своими институтами готовились к эвакуации. «25 октября 1941 г. Совет по эвакуации при СНК СССР разрешил эвакуировать из Ленинграда 1100 научных сотрудников с семьями»¹. Особо хочется отметить, что многие видные ученые, отка-

¹ Комков Г. Д., Левшин Б. В., Семенов Л. К. Академия наук СССР. Краткий исторический очерк. Т. 2. 1917–1976. М. Наука. 1977. С. 167.

завшиеся покинуть город, продолжали активно трудиться в своих институтах. Одним из них был Александр Брониславович Вериге, крупнейший физик, профессор Радиевого института АН СССР, возглавивший группу научных сотрудников для выполнения оборонных заданий. Он стал и Председателем совета Дома ученых им. М. Горького РАН.

На протяжении всех военных лет Совет Дома ученых играл важную роль в поддержании сил, творческого и боевого духа ученых, особенно в страшные зимние месяцы 1941–1942 гг.

Война поставила перед учеными трудную и ответственную задачу — в максимально короткие сроки адаптировать исследовательскую работу к нуждам обороны. После регистрации оставшихся в городе научных работников в Доме ученых были организованы научные секции по отраслевым признакам. По свидетельству очевидцев: «Связь между наукой и практикой никогда не ощущалась так живо и тесно, как в эти незабываемые месяцы 1941–1942 гг.»¹

Совет Дома ученых, в котором работали профессора А. Б. Вериге, И. Д. Жонголович, П. П. Кобеко, С. И. Кузьмин и др., направлял все усилия на оказание помощи заводам, фабрикам и военным организациям города. Тесно сотрудничал Дом ученых с научными комиссиями, созданными при городском комитете партии: Комиссией по оборонным изобретениям, Комиссией по рассмотрению и реализации оборонных предложений.

Член Дома ученых академик А. Ф. Иоффе был назначен председателем Комиссии по военной технике при Ленинградском ГК ВКП(б) со специальным поручением — наладить производство радиолокационных установок. Научно-исследовательская работа приобретала исключительное значение: оставшиеся в блокадном городе ученые оказывали необходимую реальную помощь в решении оборонных и стратегических задач. Самым трудным периодом была первая военная зима. К январю 1942 г. число членов Дома сократилось до 443, а к сентябрю 1942 — до 294. В период блокады городской транспорт в Ленинграде не работал и, несмотря на это, научные секции — химии, подъемно-транспортных сооружений, судостроения, автотранспорта, сельскохозяйственная — продолжали проводить свои заседания. Доклады и сообщения в основном были посвящены разработкам, связанным с решением практических задач помощи промышленным предприятиям. С этой же целью — решения разного рода оборонных задач — при Доме было создано Бюро научно-технической помощи городу и фронту.

¹ *Соболев Г. Л.* Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. М.; Л., 1966. С. 19.

В блокадные годы ленинградскими учеными было написано свыше одной тысячи научных работ. Несмотря на бомбежки и обстрелы, ученые работали в институтах, в библиотеках, в читальном зале Дома ученых. Но приходилось заниматься не только наукой. Члены Дома, сознавая свою роль в обороне Ленинграда, делали все, что было в их силах. В Доме ученых проводилась необходимая организационная работа: подготовка в подвалах бомбоубежищ, сохранение и укрытие оставшихся ценностей в надежных местах, переоборудование всех помещений к военному времени. «По всем объектам, находящимся под государственной охраной, проводились мероприятия ПВО: промазка деревянных конструкций суперфосфатом, расстановка бочек с водой, песком и прочие необходимые работы»¹. Одной из первых примет осажденного города стали обстрелы и налеты. Летом 1941 г. сотрудники и члены Дома организовывали отряды МПВО. 12 сентября 1941 г. Приказом № 29 по Дому ученых командиры и бойцы групп самозащиты были переведены на казарменное положение. В распоряжении начальника объекта МПВО Дома ученых Г. Логашева указывалось: «В целях борьбы с пожарной опасностью поручаю коменданту здания т. Гайко провести совместно с пожарным звеном следующие мероприятия:

- 1) произвести обработку чердачных перекрытий;
- 2) очистить чердаки от хлама;
- 3) убрать дрова и деревянные предметы во дворе и поддерживать его в постоянной чистоте.

Настоящий приказ оповестить во всех звеньях групп самозащиты»².

Зав. общежитием ДУ т. Кушелевой вменялось в обязанность «обеспечить проживание: начальникам штабов, политруку, начальнику групп самозащиты, коменданту бомбоубежища, директору столовой»³.

Пункт № 4 этого Приказа «Для усиления пожарной охраны на объекте» устанавливал три круглосуточных поста.

Голодные и измученные члены Дома вместе с сотрудниками дежурили на крышах и чердаках: велика была опасность разрушения от падающих снарядов — возле Мраморного дворца было зарегистрировано 15 фугасных бомб. Член Дома ученых А. Н. Болдырев вспоминал: «...По пути в ДУ обнаруживаю, что вчера снаряд угодил во двор Капеллы. Еще где-то, на Б. Конюшенной и на Миллионной ул., между казар-

¹ Ленинград в осаде. Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944. СПб. Лики России. 1995. С. 524.

² Архив Дома ученых им. М. Горького РАН. Д. 6. Л. 14.

³ Там же. Д. 6. Л. 6.

мой и ДУ...»¹. Не все могли служить в составе ПВО — это считалось тяжелым и опасным делом.

Одним из важных направлений деятельности коллектива сотрудников и членов Совета Дома стало бытовое обслуживание научных работников. Из-за отсутствия воды и топлива в январе 1942 г. в городе были закрыты почти все бани, парикмахерские и прачечные. Дом ученых уже в конце осени 1941 г. постарался обеспечить этими услугами своих членов. «Электричества нет, воды нет, люди спят в шубах, накрывшись одеялами...», — передавал член Дома Д. Н. Лазарев рассказы людей, встречавшихся в столовой Дома ученых».² В эти трудные дни именно Дом ученых им. М. Горького РАН был почти единственным центром, который объединял и тесно связывал научную и творческую интеллигенцию города. Сюда приходили, чтобы послушать лекцию, посмотреть концерт или просто укрыться от холода. Сотрудник Института востоковедения, член Дома ученых А. Н. Болдырев рассказывал: «Читал лекцию о Конституции в Красной гостиной, в холод при тусклом электричестве ...Первый раз вижу, чтобы всплакнули на докладе о Конституции (всплакнули, правда, старушки) в том месте, где я говорю о тех, кто не празднует с нами. Было десятка два людей...»³.

После ноябрьских праздников продовольственное положение в городе резко ухудшилось. В связи с этим столовая Дома ученых была приравнена к столовым оборонных предприятий. Ежедневно она обслуживала до 700 крупных ученых Ленинграда (не только членов Дома, но и сотрудников научных институтов, оставшихся в городе). Здесь научные работники получали также и ненормированные продукты: соевое молоко, кефир, желе, рыбий жир, витамины, папиросы. Супы и сладкий чай можно было получить без карточек в октябре— ноябре в столовой ДУ. Один из членов Дома, Д. Н. Лазарев рассказывал: «Мой сосед пропустил 6 тарелок супа и 4 стакана сладкого чая, ведь в каждом стакане 2 чайные ложки, а это почти 100 граммов сахара в день!»⁴. Улучшенное питание ученых и в виде продовольственных пайков обеспечивалось руководством Дома до декабря 1941 г. А дальше: «...декабрь, январь —

¹ Болдырев А. Н. Осадная запись. Блокадный дневник. СПб. Европейский дом. 1998. С. 213.

² Яров С. В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М., Молодая гвардия. 2014. С. 57; Лазарев Д. Н. Ленинград в блокаде // Труды Государственного музея истории Санкт-Петербурга. Вып. 5. 2000. С. 198.

³ Болдырев А. Н. Осадная запись. Блокадный дневник. СПб. Европейский дом. 1998. С. 217.

⁴ Яров С. В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М., Молодая гвардия. 2014. С. 79.

месяцы особенных продовольственных затруднений: мне приходилось в сильные морозы ходить пешком обедать с Аптекарского острова в Дом ученых на набережной 9 января, нередко под артиллерийским обстрелом; люди шли по мосту, а немецкие снаряды свистели над их головами, шли часто с детьми, стариками...»¹, — вспоминала член Дома ученых И. И. Любименко, сотрудница Архива АН СССР. В результате бомбежек и артобстрелов многие дома в Ленинграде были разрушены. Решением Совета Дома уже с осени 1941 г. гостиницу Дома ученых переоборудовали под общежитие для научных работников и их семей, лишившихся крова.

Ближе к зиме начались проблемы с подачей электроэнергии. Блокадники спасались лучинами, коптилками и керосиновыми лампами. Тяжелые условия экономии топлива зимой 1941–1942 гг. компенсировалось специальным распоряжением Исполкома Ленгорсовета отпускать для научных работников дрова и керосин. Также через Дом ученых деятели науки получали ордера на необходимые промышленные товары. Одним из приятных и незабываемых событий зимы 1941–1942 гг. в Доме ученых была встреча Нового года и Детская елка. «Праздник начался с концерта, но дети с большим ожиданием смотрели на обеденный стол. На праздновании выдавали суп из чечевицы, котлету с макаронами и конфету»². Многие дети тайком уносили часть подарка домой. А уже в следующем году на Елке дети смогли получить мягкую игрушку и даже кулек с конфетами. Такие праздники были просто необходимы! Это была незабываемая радость, которая помогала выдерживать и сохранять присутствие духа.

Условия жизни и деятельности в первую блокадную зиму были наиболее тяжелыми. Б. Б. Пиотровский вспоминал: «Еще в октябре и первой половине ноября в Доме ученых, ожидая скудный обед, подававшийся в полутемном зале, я встречал своих старых знакомых, сильно изменившихся, с закопченными от «буржук» лицами и руками, но полных энергии, строивших планы своих научных и организационных работ, несмотря на то, что многие из них стояли уже на пороге смерти»³. Осенью 1941 г. в городе были зарегистрированы первые случаи смерти от голодного истощения. Обеспокоенное бедой руководство Дома ученых поставило задачу практической помощи своим членам. При поддержке

¹ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПб. филиал АРАН). Ф.885. Оп.1. Д. 219. Л.106.

² Яров С. В. Повседневная жизнь блокадного Ленинграда. М., Молодая гвардия. 2014. С. 264.

³ Пиотровский Б. Б. Страницы моей жизни. СПб., Наука, 1995. С. 197.

Совета Дома была создана медицинская комиссия, которую возглавлял профессор М. В. Черноруцкий. Ежедневно комиссия оказывала медицинскую помощь десяткам научных работников и членам их семей. А с февраля 1942 г. при Доме ученых стал действовать стационар, которым руководил профессор Г. А. Макаров»¹.

Свыше 400 ослабевших, истощенных и больных ученых благодаря лечению в стационаре смогли вернуться к жизни, но были и смертельные случаи при необратимой стадии дистрофии. По воспоминаниям академика Д. С. Лихачева: «Преимущество этого стационара было то, что туда брали без продуктовых карточек. Карточки оставались для семьи. Мне дали туда отношение из института литературы Калаушин и Мануйлов. В Доме ученых комнаты для дистрофиков немного отапливались, но все равно было очень холодно. Комнаты помещались наверху, а ходить есть надо было вниз в столовую. Это движение вверх и вниз по темной лестнице очень утомляло. Ели в столовой при коптилках. Что было в тарелках, мы не видели. Смутно видели только тарелки и что-то в них налитое. ...Несколько раз были обстрелы. Снаряды рвались на Неве, на льду...»². Курс лечения был рассчитан на две недели: помимо медицинской помощи пациенты получали и усиленное питание. Период с декабря по март 1942 г. был наиболее трудным в жизни города и деятельности всех академических учреждений. Пережив первую страшную зиму, руководство Дома искало любую возможность порадовать своих членов, помочь им обрести душевное равновесие. Один из членов Дома, А. Н. Болдырев, оставил трогательные воспоминания об одном из эпизодов: 15 июля 1942 г. в Доме ученых «Открылись гостиные: Красная, Золотая, Грушевая и Мавританская. С тихой грустью бродил я по великолепным этим комнатам... В Красной гостиной, погрузившись в глубокое кресло, сидел худой человек в очках. Это консультант по «огородному и комнатному овощеводству»...»³. Без дружеского участия, поддержки невозможно было бы выжить и выстоять. Большое значение имели письма, получаемые от друзей из эвакуации. Многие ученые, эвакуированные из города, беспокоились о судьбе коллег, оставшихся в кольце блокады. К примеру, в июне 1942 г. С. И. Вавилов написал из Йошкар-Олы письмо со словами поддержки своей сотруднице И. И. Любименко: «Чем больше узнаешь о том, как жили ленинградцы и что они пережили зимой,

¹ Материалы к истории Академии наук СССР за советские годы (1917–1947). М.–Л., 1950, С. 258.

² Лихачев Д. С. Воспоминания. Санкт-Петербург. Изд-во. LOGOS. 2001. С. 502.

³ Болдырев А. Н. Осадная запись. Блокадный дневник. СПб. Европейский дом. 1998. С. 127.

тем более поражаешься и людям, и времени»¹. Помощь и поддержку получали члены Дома ученых из разных городов страны, где работали в эвакуации академические институты. К августу 1942 г. среди членов Дома ученых им. М. Горького было 92 доктора наук и профессора, 124 кандидата наук и доцента и 43 научных сотрудника.

Знаменательно, что в этом же 1942 г. ленинградским ученым была присуждена Государственная премия СССР за крупный вклад в дело обороны страны. Среди награжденных были члены Дома ученых: И. В. Гребенщиков, Б. Г. Галеркин, А. Ф. Иоффе, А. Д. Александров, А. А. Заварзин, И. В. Курчатов и др.

Даже в невыносимо тяжелое время блокады Дом оставался местом, где встречались, устанавливали профессиональные связи научные работники разных специальностей. Первое за время войны общегородское собрание деятелей науки и техники состоялось в Доме ученых им. М. Горького РАН 10 декабря 1943 г. С докладом «О задачах ученых в условиях города-фронта» выступил секретарь городского комитета ВКП(б) А. И. Маханов. Видные ученые — руководители институтов и филиалов научно-исследовательских учреждений — рассказывали о самоотверженном труде научных работников в осажденном городе².

Городской комитет партии неоднократно подчеркивал неоценимый вклад оставшихся в городе научных работников в решении оборонных заданий. Высокую оценку за проделанную работу получила деятельность Бюро научно-технической помощи городу и фронту (1943–1944), организованное при Доме ученых. В газете «Ленинградская правда» отмечалось: «Только за первые полгода деятельности Бюро было оказано содействие в решении около 100 различных технических вопросов»³. В общей сложности ученые, объединенные в Бюро под руководством доцента Г. Н. Соловьянова, помогли разрешить более 200 важнейших стратегических задач. В этой работе принимали активное участие научные секции Дома ученых, число которых в 1943 г. достигло уже 17, а к концу года были организованы секции: металлургическая, музейно-краеведческая и секция иностранных языков. Доклады, обсуждаемые на секциях, посещали партийные работники, видные военачальники, среди них контр-адмирал Б. П. Хлюстин, адмирал В. Ф. Трибуц. Темы научных сообщений привлекали не только ученых, но и специалистов

¹ Письмо С. И. Вавилова И. И. Любименко в Ленинград. Йошкар-Ола. 17.06.1942. СПб. филиал АРАН. Ф.885. Оп. 1. Д. 255. Л. 1.

² *Соболев Г. Л.* Ученые Ленинграда в годы великой Отечественной войны. М.—Л. Наука. 1966. С. 143.

³ Там же. С. 118. Ленинградская правда, 12 декабря 1943 г.

разных направлений производства. На помощь рабочим-изобретателям промышленных предприятий пришла секция изобретателей. На заседаниях секции механики решались важные для города вопросы — о путях механизации очистки города зимой 1942–1943 гг. Строительная секция в 1943 г. провела 26 заседаний, где рассматривались методы практической помощи по восстановлению разрушенных домов, промышленных зданий и объектов. Секция энергетики во главе с профессором М. Д. Каменским, занималась вопросами экономии электроэнергии, что было особенно необходимо в условиях военного времени. Неоценимую роль в развитии огородничества сыграла сельскохозяйственная секция, объединявшая до 80 специалистов по биологии и сельскому хозяйству. Весной 1942 г. руководство Ленинграда поставило перед трудящимися задачу по обеспечению города собственными овощами. Под огороды стали использовать сады, парки и скверы в центре города. Развитие огородничества в таком масштабе было невозможно без квалифицированной помощи. Специалисты секции под руководством профессора М. Х. Пигулевского и канд. с.-х. наук Н. Р. Иванова выезжали в совхозы, подсобные хозяйства, выступали с лекциями по радио, писали брошюры и статьи. В общей сложности ученые секции дали около 2 тыс. консультаций. «В результате самоотверженной работы горожан план сбора урожая был выполнен на 106 %»¹.

В отчете за 1943 г. на имя Уполномоченного Президиума Академии наук СССР по ленинградским учреждениям Академии наук СССР т. Федосееву говорилось: «Научная и научно-исследовательская работа ленинградского Дома ученых им. М. Горького АН СССР в 1943 г. проводилась по следующим основным отделам Дома ученых:

- 1) научному сектору;
- 2) бюро научной и научно-технической помощи городу и фронту;
- 3) библиотеке;
- 4) военно-шефскому сектору»².

С первых дней войны Дом ученых им. М. Горького стал центром военно-шефской деятельности научных работников. По заданию Дома ученых с лекциями и докладами выезжали в воинские части виднейшие ученые города. Члены Дома читали лекции фронтовикам и морякам-балтийцам. Чтобы выступить перед моряками в Кронштадте, надо было проделать нелегкий путь по льду Финского залива. Несмотря на громадную за-

¹ Ленинград в осаде. Сб. документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны 1941–1944. СПб. Лики России. 1995. С. 252.

² Архив Дома ученых им. М. Горького РАН. Д. 8. Л. 10.

нятность научной и организаторской работой, частыми гостями у красноармейцев были академики Н. С. Державин и И. А. Орбели. В лекторской группе Дома ученых, выезжавшей на фронт, работали профессора В. В. Мавродин, А. А. Вознесенский, В. Н. Бернадский, В. С. Спиридонов и многие другие. Большинство докладов и сообщений имело важное практическое значение, но немаловажно было и простое дружеское общение с фронтовиками.

Можно с законной гордостью утверждать, что члены и сотрудники Дома ученых внесли свою лепту в дело защиты любимого города.

После прорыва блокады горожане постепенно возвращались к повседневной культурной и научной жизни. На заседаниях ученых советов возобновилась защита диссертаций. Многие научные оборонные работы были по существу законченными диссертациями, дающими право на присвоение ученой степени. «Дом ученых им. М. Горького РАН взял на себя инициативу организации общегородского Ученого совета по приему диссертаций у научных работников»¹.

Деятельность Дома ученых постепенно входила в обычное русло. В частности, об этом свидетельствует рост численности членов Дома: в 1944 г. их было уже 445 человек. Военная обстановка, в которой жили и работали ученые Ленинграда, не мешала им посещать концерты и лекции. С большим успехом прошли в Доме ученых торжественные заседания и вечера, посвященные памяти М. В. Ломоносова, А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. Г. Чернышевского, А. М. Горького и др.

Раз в месяц в Доме ученых демонстрировались популярные кинофильмы. Библиотека Дома, наряду с обслуживанием ученых, сумела ор-

Февраль 1943 г. ПРОФЕССОР Т.Ф. МАКАРЬЕВ, ПРОФЕССОР И.И. ПОВАРЖИН, ДИРЕКТОР АГРО-ПОЧВОВЕДЧЕСКОГО ИНСТИТУТА И.Е. ПОГУБЕВСКИЙ и ДОЦЕНТ К.Д. МОРОЗОВ в ЧИТАЛЬНОМ ЗАЛЕ ДОМА УЧЕНЫХ ЗА ПОДГОТОВКОЙ ЛЕКЦИЙ ДЛЯ ВОЙСКОВ ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА И БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА.

¹ *Соболев Г. Л. Ученые Ленинграда в годы Великой Отечественной войны. М.—Л. Наука. 1966. С. 135.*

ганизовать работу библиотечек-передвижек в подшефных госпиталях. Но все же главной в деятельности Дома ученых была задача — помогать своим членам заниматься научной работой, даже в военное время. На заседании Совета Дома ученых 18.01.1944 г. было принято решение об издании «Сборника трудов ленинградских ученых в дни блокады». Был составлен и отредактирован сборник, который состоял из двух частей и носил библиографический характер. В нем содержатся сведения как об опубликованных, так и о рукописных исследованиях. Сборник состоял из 471 страницы, содержал сведения о 1000 научных работ, выполненных 480 авторами. «Сборник довели до корректуры, но света он не увидел и хранится в Архиве АН»¹.

Значительны были успехи не только ученых, работавших на оборону, неоспоримый вклад в развитие науки также внесли медики, ученые гуманитарных, общественных наук. Своими достижениями в годы войны ученые показали пример мужества и вдохновенного труда.

В 1944 г. уже чувствовалось приближение победы, в город из эвакуации постепенно возвращались коллективы академических научных учреждений и вузов. С энтузиазмом научные сотрудники принялись за ремонт и восстановление лабораторий, учебных корпусов своих институтов. Налаживался быт, заметно оживлялась научная и культурная жизнь города. Приходя в свой Дом, ученые с радостью отмечали, что в условиях военного времени удалось сохранить здание дворца, его интерьеры и бесценные предметы декоративно-прикладного искусства.

Ленинград постепенно возрождался. Началось восстановление зданий, реставрация особняков, над башней Кунсткамеры вновь появился утраченный в годы войны купол — символ Российской академии наук.

В день победы огромная толпа ленинградцев шла по набережной, мимо Дома ученых им. М. Горького РАН к Дворцовой площади, где все вместе встречали Великий Праздник.

¹ Ленинградская наука в годы Великой Отечественной войны. СПб. Наука, 1995. С. 55.

**АКАДЕМИК СЕРГЕЙ ИВАНОВИЧ ВАВИЛОВ —
ВОЕННЫЕ БУДНИ 1941–1945 ГГ.
(по дневникам ученого)**

Выдающийся физик, автор открытия, получившего в дальнейшем Нобелевскую премию¹, С. И. Вавилов внес весомый вклад в научные и практические разработки военного времени.

К трагическому для нашей страны 1941 г. Сергей Иванович Вавилов находился в чрезвычайно сложной для себя ситуации. Он академик, руководитель двух крупнейших институтов — директор Физического института Академии наук СССР (ФИАН) и научный руководитель Государственного оптического института (ГОИ), депутат Верховного Совета РСФСР, председатель ряда комиссий АН и редактор нескольких журналов. Но после ареста в августе 1940 г. Николая Ивановича Вавилова, его брата, и безуспешных попыток Сергея Ивановича выяснить его причины и судьбу, он попадает в категорию ближайшего родственника «врага народа». Будучи убежденным в невинности брата и не имея возможности реально повлиять на ситуацию (все его обращения к руководству Академии и другие попытки упирались в непробиваемую стену секретности), С. И. Вавилов испытывал огромные нравственные и психологические нагрузки. Его дневниковые записи отражают глубину личной трагедии, которая привела к появлению навязчивого стремления «тихо уйти в небытие». И только присущее его натуре чувство высокой ответственности за судьбы науки, вверенных ему институтов и их коллективов давало возможность осуществлять такую огромную научную и организационную работу.

О его двойственном положении свидетельствуют записи в дневнике, относящиеся к марту 1941 г. — юбилею С. И. Вавилова: «За эти дни было жалкое подобие “юбилея”». Письмо президиума на квартиру — украдкой. Поздравления в Институте за закрытыми дверями и пр.»².

Через несколько месяцев началась война, заставшая С. И. Вавилова в Ленинграде, где была его основная квартира. Он отмечает в дневнике:

¹ Как известно, Нобелевские премии присуждаются только живущим ученым. С. И. Вавилов ушел из жизни в 1951 г. А Нобелевскую премию в 1959 г. получили его ученики и сотрудники — И. Е. Тамм, И. М. Франк и П. А. Черенков.

² Вавилов С. И. Дневники. Кн. 2. М.: Наука, 2012. С. 115.

«22 июня. Лгр. Гитлер начал войну с нами»¹. Его первые военные записи в дневнике проникнуты любовью к Ленинграду и глубокой тревогой за судьбы людей, искусства и науки. «7 июля. Распадаются самые прочные связи. Эвакуируют детей. Дети уходят добровольцами. Был в Эрмитаже у Орбели. Рассказ о том, как заколачивали ночью со слезами мадонну Литту и прочие. Удары молотков, словно на похоронах. <...>

Вечером опять прогулка по Тучковой набережной, по скверу около биржи с невскими широтами, облезшими дворцами. Менделеевская линия заполнена матерями, заглядывающими через решетку сада в университетские окна, где сидят их дети-добровольцы.

За день четыре «воздушные тревоги» <...>².

В связи с поражениями наших войск в приграничных сражениях и быстрым продвижением врага в направлениях Москвы и Ленинграда уже в июле 1941 г. правительство принимает решение об эвакуации промышленных предприятий и институтов на восток.

14 июля (Лгр.) С. И. Вавилов пишет в дневнике: «Собираемся уезжать из города с Институтом, бросать установившуюся жизнь. Страшно, грустно и нестерпимо горько»³. И далее: «18 июля. Ощущение закапываемого живым в могилу. Разор, разборка Института, отъезд в казанские леса...». «20 июля. В И-те заколоченные ящики, которые отвозят на вокзал...»⁴.

Оптический институт должен был переехать в Йошкар-Олу, а ФИАН — в Казань. Огромная работа по отбору научного оборудования и другого имущества, необходимого для функционирования институтов, выпала на долю Сергея Ивановича. Не менее сложные задачи решать пришлось ему и его сотрудникам при обустройстве на новом месте. В кратчайшие сроки были возобновлены исследования, перенацеленные на нужды обороны страны. Научные работы приходилось вести в условиях крайней ограниченности лабораторных площадей, нехватки оборудования и материалов, постоянных перебоев с подачей воды и электроэнергии. Вот как вспоминал об этом времени академик Е. Л. Фейнберг: «Выехали из Москвы через месяц после начала войны, и благодаря этому уже в августе на новом месте все необходимое было распаковано и установлено, работа началась без промедления. Так, например, очень скоро акустики создали акустический трал для подрыва немецких плавучих мин,

¹ Там же. С. 124.

² Вавилов С. И. Дневники. Кн. 2. М.: Наука, 2012. С. 125.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 125–126.

от которых наш флот в начале войны нес большие потери. Некоторые сотрудники акустической лаборатории много времени проводили на фронтах. Оптическая лаборатория продолжала разрабатывать методы спектрального анализа металлов на содержание все новых элементов. Это было чрезвычайно важно, прежде всего, для экспресс-сортировки металла разбитой отечественной и трофейной военной техники, чтобы не пускать, например, ценные качественные стали в общую переплавку, а непосредственно использовать в работе. Райский сумел наладить производство соответствующих приборов — стилоскопов. За ними и за инструкциями приезжали с уральских и других заводов, а также прямо с фронтов. Я сам был свидетелем того, как за стилоскопами прилетел представитель сталинградского завода то ли поздней весной, то ли летом 1942 г., когда гитлеровские войска уже шли к городу. Все это было возможно потому, что Вавилов, предвидя масштабы предстоящей борьбы, настоял на основательной и продуманной эвакуации оборудования института»¹.

Следует отметить, что наряду с научным оборудованием по настоянию С. И. Вавилова была эвакуирована единственная библиотека ФИАН, которой пользовались все физические институты Академии, расположившиеся в Казани.

О направленности работ военного времени Сергей Иванович писал в статье «На новом этапе» в стенгазете ГОИ осенью 1941 г.: «Нам дана полная возможность в новых условиях продолжать работу, и не требуется доказательств и разъяснения, что эта работа должна быть полностью направлена на помощь Красной армии и оборонной промышленности. Мы пересмотрели план работ и будем его и в дальнейшем пересматривать в зависимости от обстановки, стремясь возможно ближе и непосредственнее привести его к решению неотложных требований фронта. Но пересмотра плана недостаточно. На всех нас лежит обязанность возможно скорее начать работу в новых условиях, увеличив ее объем, напряженность и качество. Обстоятельства заставляют нас становиться в новых условиях то временами грузчиками, плотниками, мастерами, и всем должно быть понятно, что эта работа почетная, что она ускорит срок пуска в ход всего института, а следовательно, должна помочь фронту... В нашей среде имеются многие десятки людей высокой научной и технической квалификации. Их обязанность сейчас — максимально напрячь свои знания, свой талант и изобретательность на решение воен-

¹ Вавилов С. И. Очерки и воспоминания. М.: Наука, 1981. С. 256.

ных задач. Об этом можно помнить всегда, каждый день, независимо от установленных планов».

Как писал в своей книге Л. В. Левшин: «Несмотря на тяжелые условия, в которых находились оба института, их сотрудниками в этот период был выполнен ряд работ, имеющих большое оборонное значение. Сергей Иванович осуществлял не только общее руководство этими работами, но и сам принимал непосредственное участие во многих из них. В результате работ, поставленных в ГОИ, армия получила новые образцы дальномеров, стереотруб, различных объектов для аэрофотосъемки и т. д. Причем изготавливаемая продукция сразу же отправлялась на фронт. В ГОИ были разработаны методы светомаскировки военных объектов, авиационных и пороховых заводов и пристаней. Были установлены научно обоснованные нормы допустимых освещенностей этих объектов в обычное время и во время воздушной тревоги. Эти методы широко использовались при освещении пристаней на Волге. В ГОИ были созданы специальные устройства, использующие светосоставы постоянного действия, которые давали возможность артиллерии вести прицельный огонь в ночное время»¹.

В ФИАН были разработаны люминесцентные методы разведки различных полезных ископаемых; широко развернуты работы по спектральному анализу черных и цветных металлов, результаты которых были внедрены на предприятиях металлургической, танковой и авиационной промышленности; разработан и внедрен новый прибор — толщиномер, — позволяющий определять разностенность стволов стрелкового оружия с помощью гамма-лучей радиоактивных веществ; созданы малогабаритные рамочные радиоантенны с пермаллоевыми сердечниками для боевых самолетов; разработаны и широко использованы в военноморских операциях специальные акустические тралы, позволяющие взрывать акустические мины на расстояниях, безопасных для тральщиков, а также выполнены многие другие важные работы.

С. И. Вавилов вспоминал о военных годах ФИАН и о результатах работ его сотрудников, отмечая, что без всякого принуждения лаборатории изменили темы своих работ так, что они помогали Красной армии, военной промышленности, госпиталям. Итог был совсем реальный и бесспорный. Институт помог пустить в Казани производство светящихся составов постоянного действия. В институте научились готовить керамические массы для изоляции радиоконденсаторов и передали это

¹ Левшин Л. В. Сергей Иванович Вавилов. М.: Наука, 2003. С. 201.

дело на производство, выпускающее теперь их десятками тысяч в месяц; для казанских и других заводов сотрудники лаборатории атомного ядра дали новые дефектоскопические приборы. Госпитали получили от ФИАН новый рентгеновский стереоприбор, акустики института работали на фронте, выполняя важные военные задания; теоретики своими расчетами помогали бороться с магнитными и акустическими минами, а специалисты по люминесценции нашли новые эффективные способы ее применения для военных задач, соединяя физическую новизну с военной важностью. Спектральный анализ из института в виде методов, переданных работникам заводских лабораторий, и новых приборов быстро распространился по заводам.

В ГОИ получили развитие работы по вычислительной оптике, в результате которых были осуществлены расчеты светосильных широкоугольных фотографических систем различного военного назначения. Велись исследования по созданию новых сортов оптического стекла, необходимых для оптических приборов. При этом, по настоянию Сергея Ивановича, продолжались начатые до войны работы по разработке электронных микроскопов.

В июне 1943 г. сов. секретным постановлением Государственного Комитета обороны С. И. Вавилов был назначен уполномоченным ГОКО и научным руководителем Особого конструкторского бюро ВЭИ (Всесоюзный электротехнический институт). Вот выдержки из постановления ГОКО, говорящие о пристальном внимании руководства страны к новым разработкам, которые можно было использовать в борьбе с врагом, и о тесном слиянии практических действий и научных изысканий¹.

«Сов. секретно

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГОКО № 3637 сс
от 23 июня 1943 года. Москва, Кремль

**О формировании специальных рот и об обеспечении
их специальными оптическими приборами**

Государственный Комитет обороны постановляет:

1. Обязать начальника инженерных войск Красной армии т. Воробьева М. П. сформировать в резерв Ставки восемь специальных рот,

¹ РГАСПИ (Российский Государственный архив социально-политической истории). Ф. 644. Оп. 1. Д. 128. Л. 113–115.

вооружив каждую из них специальными прожекторными станциями и 45 специальными оптическими приборами.

Установить следующие сроки окончания формирования:

25 июня — 1 рота

15 июля — 1 рота

30 июля — 2 роты

30 августа — 4 роты

Всего 8 рот.

<...>

4. Установить, что все специальные оптические приборы, основанные на принципе действия инфракрасных лучей, являются приборами особой секретности и поэтому как технология производства, так и практическое применение этих приборов являются государственной военной тайной.

5. В целях наиболее успешного проведения научных и конструкторских работ по дальнейшему усовершенствованию специальных оптических приборов в ОКБ ВЭИ назначить:

а) академика Вавилова С. И. уполномоченным Государственного Комитета обороны и научным руководителем Особого конструкторского бюро ВЭИ.

Возложить на академика Вавилова С. И. как на уполномоченного ГОКО задачу всемерного развития инфракрасной техники и координации в этих целях деятельности всех научно-исследовательских организаций, работающих в области инфракрасной техники;

б) члена-корреспондента Академии наук СССР т. Лебедева А. А. помощником уполномоченного ГОКО т. Вавилова С. И. и главным консультантом Особого конструкторского бюро ВЭИ;

в) начальника технического отдела НКЭП т. Бертинова А. И. заместителем уполномоченного ГОКО т. Вавилова, возложив на него контроль за выполнением промышленными предприятиями заказов по изготовлению специальной аппаратуры по инфракрасной технике.

<...>

9. Обязать Наркомэлектропром (т. Кабанова) передать в сентябре с. г. Академии наук СССР здание Физического института им. академика Лебедева.

Председатель Государственного Комитета обороны
И. Сталин

Послано т. т. Молотову, Маленкову, Воробьеву, Жукову — все; наркомам, директорам заводов — соотв.».

Для С. И. Вавилова очень важно было включение в постановление ГОКО пункта 9 о передаче в Академию наук здания ФИАН, которое в ходе эвакуации института попало в ведение Наркомата электротехнической промышленности.

В силу сложившихся обстоятельств С. И. Вавилов был вынужден постоянно переезжать из Йошкар-Олы в Казань, а также в Свердловск. С назначением уполномоченным Государственного Комитета обороны (ГКО) по оптической промышленности ему пришлось часто бывать в Москве. Дневники сохранили много записей о тяжелейших условиях таких переездов и о случаях заболевания в дороге. И это несмотря на то, что С. И. Вавилов как депутат и академик обладал определенными привилегиями, но в тот период они почти не имели силы.

Вот одна из записей от 7 ноября 1941 г.: «Вчера вечером <...> вернулся из Казани. Поездки мучительны, совсем 1918–1919 гг. В купе человек 25, сидят на полу, на верхних полках, в неопикуемых ломотьях, которые, казалось бы, только выдумывают в театрах <...>» [1, с. 134]. Или запись через месяц, 7 декабря: «Йошкар-Ола. Вчера вечером вернулся из Казани. В вагонах (и туда и обратно) концентрат здешней «матушки-России». Полу-рабочие, полу-солдаты, распивающие «пол-литров», лейтенант на верхней полке, всю дорогу тянувший эти «пол-литра», сначала мертвецки пьяный <...>»¹. Запись от 12 января 1942 г.: «Позавчера приехал из Казани, больной, с температурой и онемевшей рукой <...>»².

Через весь дневник проходят записи о постоянной боли и отчаянии из-за трагедии с братом, Н. И. Вавиловым. Сначала полная неизвестность, потом трагическое известие о смерти: «Йошкар-Ола, 5 июля. Страшная телеграмма от Олега³ о смерти Николая. Не верю. Из всех родных смертей самая жестокая. Обрываются последние жизненные нити <...>»⁴. И память о Николае постоянно находится в сознании Сергея Ивановича. Но, несмотря на эту страшную трагедию, он продолжает свою многогранную научную и организационную деятельность. Разумеется, основные работы ГОИ и ФИАН в годы войны связаны с военной техникой, и на них распространялся режим строгой секретности. В дневниках есть упоминание только о работе С. И. Вавилова над книгой о Ньютоне, ко-

¹ Вавилов С. И. Дневники. Кн. 2. М.: Наука, 2012. С. 135.

² Там же. С. 139.

³ Сын Н. И. Вавилова.

⁴ Вавилов С. И. Дневники. Кн. 2. М.: Наука, 2012. С. 180.

торая вышла в свет в 1943 г. к 300-летию ученого, которого Сергей Иванович высоко чтит.

В предисловии к первому изданию книги, датированном ноябрем 1942 г., Сергей Иванович пишет: «В эти тяжелые и решающие дни, когда вопрос идет о жизни и смерти нашей Родины, нельзя забывать и о знамени культуры, под которым и за которое наш народ ведет смертельный бой с современными аттилами и чингисханами.

Направляя сейчас основные усилия на помощь нашей героической Красной армии, Академия наук СССР не может пройти мимо знаменательной даты — трехсотлетия со дня рождения одного из величайших творцов культуры — Исаака Ньютона».

Кончается предисловие словами:

«Нельзя забывать, что И. Ньютон — один из важнейших и наиболее действенных гениев этой культуры, за которую сейчас сражается антифашистский мир».

Этой работе С. И. Вавилов придавал особое значение как культурному событию, противостоявшему разрушительным результатам войны.

В предисловии ко второму изданию, датированном декабрем 1944 г., он писал:

«Книга составлялась в грозные дни Сталинградской битвы, решившей исход войны.

Невиданная война заставила ограничить ньютоновские торжества в Англии, США и других странах, как можно судить теперь по дошедшим до нас иностранным журналам. Не появилось ни одной книги, посвященной Ньютону, юбилей был отмечен лишь немногими собраниями и небольшими журнальными и газетными статьями».

<...>

«С удовлетворением можно отметить, что на нашей Родине, несмотря на напряжение исторических сталинградских дней, решивших ее судьбу, юбилей Ньютона праздновался широко и с большим единодушием. Помимо многочисленных торжественных заседаний в научных институтах, университетах и других учреждениях по всей стране в юбилейные дни в СССР было издано пять книг, посвященных Ньютону, и среди них большой том статей...».

<...>

«В такое время рассказ о жизни и работе “украшения рода человеческого” может многих ободрить и вдохновить»¹.

¹ Вавилов С. И. Исаак Ньютон. 2-е дополненное издание. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1945. С. 4.

Работа С. И. Вавилова в военные годы была отмечена правительственными наградами: в 1943 г. он был награжден орденом Ленина за успешную работу по развитию отечественной оптико-механической промышленности, выполнение заданий правительства по разработке новых образцов оптических приборов и научные достижения в области оптики. В том же году ему была присуждена Сталинская (Государственная) премия за научные работы по физической оптике.

В переломном 1943 году для самого Вавилова начинался новый тяжелый этап работы, связанный с эвакуацией институтов. Он записывает: «Положение Физического и-та совсем дурацкое. Благодаря Шмидту и Иоффе злосчастное здание на Миусах захвачено Электропромом, а потому нервозность у “фиановцев” больше чем у других. Придется ехать в Москву. Но больше для того, чтобы совесть была чистой, сделать что-нибудь не надеюсь и перспективы мрачные». Много усилий понадобилось С. И. Вавилону, чтобы решить вопрос освобождения здания ФИАН. Чуть позже похожие проблемы возникли с возвращением в Ленинград Оптического института. И эти организационно-хозяйственные проблемы приходилось решать с учетом необходимости продолжения исследовательских работ, результаты которых были так важны для действующей армии и для промышленности.

Работа в годы войны потребовала от С. И. Вавилова невероятного напряжения всех моральных и физических сил, уже подорванных болезнью, тяжелыми бытовыми условиями, постоянными командировками, а главное — постоянным грузом памяти о судьбе брата. Однако и после окончания войны С. И. Вавилов не успел восстановить свои силы. После торжеств, организованных в связи с 220-летием Академии наук и награждением вторым орденом Ленина, уже в июле 1945 г. на него была возложена новая обязанность — он стал Президентом Академии наук СССР.

ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАДИЦИЙ В СООБЩЕСТВЕ УЧЕНЫХ в годы Великой Отечественной войны

В памяти всех тех, кто встретил День Победы в мае 1945 г., сохраняются свидетельства величайшего подвига бойцов на фронтах войны и тружеников тыла. Среди последних, несомненно, были ученые, в том числе ботаники, деятели сельского хозяйства¹.

Президент Академии наук СССР, известный ботаник, организатор науки В. Л. Комаров (1869–1945) в своих публичных выступлениях в прессе в августе и сентябре 1941 г. говорил об участии ученых в деле борьбы с фашизмом и формулировал стоящие перед ними задачи².

Известный агрохимик Д. Н. Прянишников (1865–1948) также призывал ученых к действенной помощи фронту и тылу, «к удесятеренному, энергичному труду»³.

Изучение ботанической литературы военного периода дает возможность создать обобщенное, целостное представление о масштабе и многоплановости работ, выполненных учеными в то время. Здесь работы как общетеоретического плана, так и прикладного характера, обращенные на нужды фронта и тыла.

В рамках первого направления, продолжавшего тематику довоенных лет, следует отметить деятельность систематиков Ботанического института в Ленинграде. В тяжелейших условиях блокадного города не прекращалась многолетняя работа над фундаментальным трудом «Флора СССР», осуществлявшаяся под руководством В. Л. Комарова и Б. К. Шишкина⁴. За время войны была напечатана часть тиража XI тома и подготовлен к печати XII том, посвященный роду астрагал. Обработка большей части видов этого рода была проведена Н. Ф. Гончаровым. Он погиб, но до последних часов жизни, сопротивляясь голо-

¹ Кольцов А. В. Ученые Ленинграда в годы блокады (1941–1943) / А. В. Кольцов. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962; Лавренко Е. М. Ботанический институт АН СССР в первый год Великой Отечественной войны. (Памяти погибших товарищей-ботаников в войне 1941–1945 гг.) / Е. М. Лавренко // Ботан. журн. — 1975. — Т. 60. — № 12. — С. 1796–1813; Манойленко К. В. Ботаники и Великая Отечественная война / К. В. Манойленко // Тр. Объединенного научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2010. — СПб.: Наука, 2011. — С. 57–70.

² Комаров В. Л. Отечественная война и наука. М.: Госполитиздат, 1942. С. 9.

³ Прянишников Д. Н. // Правда. 1941. № 256. 15 сентября. С. 3.

⁴ Шишкин Б. Отечественная война и советская ботаника // Сов. ботаника. 1942. № 1–3. С. 3.

ду и стуже, работал над рукописью и почти довел ее до конца. Его подвиг, как и деятельность других сотрудников Ботанического института, отражен на страницах книги «Сборник научных работ, выполненных в Ленинграде за три года Великой Отечественной войны (1941–1943)»¹ (1946).

Впечатляет деятельность лесоведа, географа академика В. Н. Сукачев (1880–1967). Не оставляя проблему фитоценоза², изучения развития растительного покрова, его факторов, Сукачев включился в разработку задач военного времени. Он, как и многие его современники, принял участие в исследовании природных ресурсов Сибири, Урала, Казахстана. Эти исследования включились в оборонную промышленность страны, в развитие ее сельского хозяйства.

В 1942 г. в Академии наук была организована специальная сапропелевая группа при Уральской комплексной экспедиции под общим руководством вице-президента АН СССР академика Л. А. Орбели (1882–1958). Проведенные полевые изыскания определили залежи сапропеля в ряде областей, в частности Свердловской и Челябинской. Были проведены испытания на пригодность сапропеля в пищу домашним животным, использование его в растениеводстве в качестве удобрения.

Непосредственное участие в исследованиях этих озерных ископаемых, образованных останками животных и растений, принимал В. Н. Сукачев³. Аналогичная работа проводилась и в окрестностях Ленинграда сотрудниками Ботанического института — А. А. Корчагиным, Б. А. Тихомировым.

Это направление работ находилось в русле идей концепции Комиссии по изучению естественных производительных сил России (КЕПС) и явилась ответом на вызов времени — начало Первой мировой войны (август 1914 г.).

В 1915 г. В. И. Вернадский (1863–1945)⁴ и академик А. С. Фаминцын (1835–1918) выступили с инициативой развернуть в стране изучение ее природных ресурсов, дать их описание, систематизацию, советы по использованию. Оба естествоиспытателя были движимы чувствами социальной ответственности, оба стремились соединить интересы госу-

¹ Сборник научных работ, выполненных в Ленинграде за три года Великой Отечественной войны (1941–1943). — Л.: Лениздат, 1946.

² Сукачев В. Н. Идея развития в фитоценологии // Сов. ботаника. 1942. № 1–3. С. 5–17.

³ Сукачев В. Н. Сапропель как кормовая база // Вест. АН СССР. 1943. № 4–5. С. 71–72.

⁴ Вернадский В. И. Об изучении естественных производительных сил России / В. И. Вернадский // Изв. Имп. Академии наук. Сер. 6. — 1915. № 8. — С. 679–700.

дарства, науки и общества. А. С. Фаминцын выступил со специальной запиской, в которой писал: «Россия находится в настоящее время в опасности. Злой сосед всеми мерами старается помешать ее строительству. Обязанность каждого гражданина — принести свою посильную лепту на помощь нашему отечеству»¹.

Спустя 26 лет этот призыв академика вновь приобрел актуальность и звучал как набат, сохраняя свою аргументированность.

В годы Первой мировой войны и позднее, проект В. И. Вернадского и А. С. Фаминцына был услышан учеными разных специальностей, в том числе ботаниками, и воплотился в жизнь.

Представление о проделанной ими работе дают сборники, содержащие материалы КЕПС, которые выходили в свет в течение ряда лет второго десятилетия XX в.

Определялись задачи сборников: дать каждому промышленному, общественному и государственному деятелю возможность получить в систематическом порядке необходимые справки и сведения о разных сторонах естественных производительных сил России.

В этом сборнике публиковался Н. А. Буш (1869–1941), специалист по флоре, систематике и географии растений. Он предложил читателю свод сведений о растениях тундры, лесов и степей, об их приспособлении к местам обитания, описал также флору Кавказа, открыл много новых видов, ценных для задач КЕПС².

Предложение А. С. Фаминцына нашло также развитие в работах В. Н. Любименко, Д. Н. Нелюбова, В. И. Палладина, А. А. Рихтера и др.

Учитывая нехватку медикаментов, В. Н. Любименко включился в изучение лекарственных растений, дал ценные рекомендации по их применению³.

В годы Первой мировой войны неминуемо возникали трудности с продовольствием. Ботаники откликнулись и на это бедствие, начали поиск не использовавшихся ранее в практике дикорастущих съедобных растений⁴.

¹ *Фаминцын А. С.* Записка. Постоянная комиссия по изучению естественных производительных сил России, состоящая при имп. Академии наук. Пг.: Тип. Имп. АН, 1915. С. 1.

² *Буш Н. А.* Ботанико-географический очерк России. Пг.: Изд-во АН СССР, 1923. (Естественные производительные силы России. Т. 5. Растительный мир. Отд. I).

³ *Любименко В. Н.* Лекарственные и дубильные растения Таврической губернии. Пг.: Изд-во АН России, 1918; *Любименко В. Н.* Съедобные дикорастущие растения северной полосы России. Вып. 1. Пг.: Тип. Э.Ф. Мекс, 1918. Вып. 2. Пг.: Тип. Л. Я. Ганзбурга, 1918. (Совм. с Н.А. Монтеверде и А.Ф. Сулима-Самойло).

⁴ *Любименко В. Н.* Исландский мох как пищевое средство. Пг.: Мех.-техн. изд-во, 1919.

Ученые следующего поколения, современники Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., переняли опыт своих предшественников¹.

Преемственность традиций в научном сообществе и связь поколений нашли яркое проявление в работах ботанического ресурсоведения. Было составлено много брошюр рекомендательного назначения. Важные советы были даны населению относительно методов выращивания рассады овощных культур и использования в пищу растений. Здесь выделяются работы В. Ф. Корякиной и В. И. Чиркова, в частности, по использованию в пищу китайской капусты, ботвы овощных растений, шиповника². В этом же направлении действовали П. А. Генкель³, Е. М. Лавренко, Н. А. Монтеверде, В. Н. Сукачев, Н. В. Цицин⁴ и др.

Ботаники внесли свой вклад в создание различного рода инструкций для бойцов, имевших оборонное значение. Среди них военно-геоботанические карты, пособия для ориентации бойцов в растительном покрове сообразно условиям партизанской войны, рекомендации по созданию изгородей из растений, дернин для целей маскировки, наставлений для бойцов-конников⁵.

Нельзя не обратить внимание на труд ботаников, в частности сотрудников Ботанического института, по исследованию новых витаминных растений, получению концентрата витамина С из хвои сосны и разработке растительных противоядных препаратов. Замечательны работы В. П. Савича, Л. С. Савич-Любицкой, Б. Н. Клопотовой в сотрудничестве с врачами-хирургами (С. А. Новотельнов) по изучению сфагнового мха: изготовленные из него мази и присыпки использовались в госпиталях.

В условиях ежедневных бомбардировок и обстрелов ученые Ботанического института стойко и мужественно сохраняли гербарные коллекции, ценнейшие собрания живых растений, музей, библиотеку.

Пример самоотверженного труда и воли показали сотрудники Всесоюзного научно-исследовательского института растениеводства, сохра-

¹ Красинский Н. П. Можжевельная ягода — новый источник сахаристых веществ / Н. П. Красинский // Ботан. журн. — 1943. — Т. 28. — № 5. — С. 208–210; Опацкий Л. В. Урал — новый район сахарной промышленности / Л. В. Опацкий. — М.: Госполитиздат, 1943; Рожевиц Р. Ю. Используйте для питания прибрежную и водную растительность / Р. Ю. Рожевиц. — Л.: Лениздат, 1942.

² Чирков В. И. Шиповник. Л.: Лениздат, 1943. Чирков В. И., Корякина В. Ф. Ботва овощных растений. Л.: Лениздат, 1943..

³ Генкель П. А. Что можно найти для еды в лесу и на болоте. М.: Изд-во АН СССР, 1942.

⁴ Цицин Н. В. Природные растительные богатства — на службу обороне // Вест. АН СССР. 1942. № 7–8. С. 50–61.

⁵ Ильин М. М., Лавренко Е. М. Ботаника и война // Природа. 1942. № 3–4. С. 13–20.

нив в голодные годы коллекцию семян сельскохозяйственных растений мира.

Работы этого уровня и значения перекликались с трудом ученых гуманитарного направления. Один из примеров — труд архивистов. Подтверждения можно найти в уникальном документе — блокадных дневниковых записях директора Академического архива в Ленинграде историка Г. А. Князева (1887–1969).

Записи повествуют о днях войны в блокадном городе, чаяниях, заботах, делах их автора. Ежедневные усилия по сохранению документальных архивных реликвий по истории науки и культуры перемежались с трудом над историей Академии наук: «Мы выполняем свой долг советских граждан, продолжая свое дело в обстановке фронта, под бомбами»¹.

Возникает законный вопрос о стимулах работы ученых в годы войны. На один из них с определенностью указал Г. А. Князев: «В эти дни я почувствовал всю силу коллектива. Организованный коллектив, действительно, способен горы двигать!»². Еще один стимул к самоотверженному труду в лихолетье блокады Г. А. Князеву давала мечта: «Я верю, и здесь я неисправимый мечтатель, что настанет такое время, когда войны не будет на земле...»³.

Сходную мысль вынашивал и В. И. Вернадский. В самые тяжелые годы войны (июль 1941 — август 1943) он находился в г. Боровом (Казахстан). Он неизменно трудился над философскими проблемами естествознания, учением о биосфере. Он переписывался со многими учеными, вселяя в них оптимизм, веру в победу над гитлеровцами. «Я смотрю вперед, — сообщал он известному биологу И. И. Канаеву, — не сомневаясь в их изгнании, так как убежден, что биосфера геологически меняется и переходит в ноосферу — царство разума, субстрат исторического процесса человечества»⁴. Это письмо датировано 24 ноября 1942 г.

В. И. Вернадский действовал стратегически и уже на исходе 1942 г. строил план послевоенного восстановления науки, развития производительных сил страны. В письме к В. Л. Комарову он изложил свое видение вопроса, программу предстоящих исследований, основываясь на факте богатого научного потенциала страны⁵.

¹ Академический архив в годы войны. Ленинград 1941–1942. Из дневников Г. А. Князева. СПб.: Европейский дом, 2005. С. 31.

² Там же. С. 8

³ Там же. С. 7.

⁴ Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Р. V. Оп. 1-В. № 57. Л. 4.

⁵ Мочалов И. И. Владимир Иванович Вернадский (1863–1945). М.: Наука, 1982.

УЧЕНЫЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА в годы Великой Отечественной войны

В преддверье Великой Отечественной войны научные работники Дальнего Востока испытывали крайнее напряжение. Оно было вызвано рядом причин как чисто профессионального, так и политического характера. Но их объединяла ковариационная связь, за которой усматривался общий фактор. Им являлась обстановка в стране, диктующая свои условия пытавшейся обрести автономность научной политике, заставляя ее уступать свои позиции практически всем факторам, действовавшим на социально-политическом поле. В экономическом плане ей не удавалось создать благоприятные финансовые и материальные условия для успешной научной деятельности, что особенно касалось окраин страны. В политическом — она не противостояла репрессиям в научной среде и, в конечном счете, сама стала проводником идеологического диктата.

Все это в полной мере касалось науки на Дальнем Востоке и отражалось на судьбах ученых. Формируясь в условиях, при которых организационные решения опережали все прочие, она, в основном представленная естественнонаучными направлениями, к 1941 г. не смогла обрести опытную базу, которая обеспечила бы ей надежность исследований. В своих выводах Комиссия АН СССР, обследовавшая в октябре 1938 г. Дальневосточный филиал АН СССР (ДВФАН) (г. Владивосток), кроме всего прочего, констатировала: «Учитывая огромное внимание и помощь, которую Советское правительство оказывает науке в СССР, Комиссия вынуждена отметить, что созданные врагами народа, сидевшими в руководстве области, убийственные условия для науки на Дальнем Востоке (выделено авт.) не только не способствуют ее развитию, но использовались врагами во враждебных целях как пример антисоветского отношения к советской науке и ученым»¹.

Дело, безусловно, было не во «врагах народа». Но репрессии, начавшиеся в научной среде Дальнего Востока с 1929 г. и продолжавшиеся до 1939 г., лишили научные кадры, весьма немногочисленные по составу, наиболее квалифицированных сотрудников, включая ученых, сфор-

¹ Архив Российской академии наук (А РАН). Ф. 409. Оп.1 — ДВФАН. Д. 98. Л. 16.

мировавшихся до революции, то есть всю «старую интеллигенцию»¹. Репрессии тяжело отразились не только на исследовательской деятельности, на моральном состоянии научных работников, но и на их здоровье. Даже «апологеты» были, выражаясь языком А. Пятигорского, неадекватны в той политической ситуации, которую рефлексировали². Достаточно обратиться к результатам медицинского осмотра сотрудников ДВФАН, произведенного в разгар «борьбы с последствиями вредительства» в середине февраля 1938 г. Из всех прошедших медосмотр выберем политических активистов: Зубов А. И. — невроз сердца, неврастения; Колесников Б. П. — невроз; Бентхен П. П. — неврастения. У самого активного, В. П. Тебенькова, — реактивная неврастения. Еще 16 больных с подобным диагнозом были женщины, в том числе жены репрессированных³.

К началу войны кадровый потенциал науки на Дальнем Востоке обескровили не только репрессии и их последствия. В 1939 г. последовало закрытие ДВФАН и Дальневосточного государственного университета (ДВГУ), которые, пережив аресты своего основного состава, все-таки успели восстановить численность за счет мобилизационной миграции. Вот как описал 1 июня 1939 г. академику В. Л. Комарову ситуацию в ДВФАН накануне его закрытия сотрудник ботанического сектора, кандидат биологических наук А. А. Емельянов: «В Филиале царит полное смятение и непонимание того, что делается. Совершенная неуверенность в завтрашнем дне. Руководство говорит полупшепотом, намеками, что-то скрывает, избегает встречаться с сотрудниками. Предлагается свертывать свое имущество не только закрытого зоологического сектора, но и ботаникам рекомендуется упаковывать свой гербарий. Все это создало крайне напряженное состояние у сотрудников всего Филиала»⁴.

Травматическое состояние, в котором пребывали ученые, и обретенный ими травматический опыт, приумноженный военными событиями на Хасане в 1938 г. и на Халкин-Голе в 1939 г., стали их «естественным социокультурным контекстом существования»⁵. Казалось бы, все они

¹ Васильева Е. В. Репрессированные ученые Дальнего Востока // Политические репрессии на Дальнем Востоке СССР в 1920–1950-е годы: Материалы 1-й Дальневосточной научно-практической конференции. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1997. С. 108–115.

² Пятигорский А., Алексеев О. Размышляя о политике. М.: Новое издательство, 2008. С. 50.

³ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (РГИА ДВ). Ф.792. Оп.1. Д. 7. Л. 68–70.

⁴ А РАН. Ф. 277. Оп. 4. Д.599. Л. 5(оборот).

⁵ Ушакин С. Нам этой болью дышать?: О травме, памяти и сообществах // Травма: пункты: сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2009. С. 11.

должны находиться в ожидании дальнейших военных действий, ведь именно последними событиями объясняли ликвидацию этих научных учреждений. Все — это 507 научных работников естественнонаучного и технического профиля трех секторов науки на Дальнем Востоке в 1941 г., сосредоточенных в Приморье, Хабаровском крае и Амурской области¹. После арестов их численность по сравнению с 1936 г. к 1939 г. сократилась с 529 примерно на 100 человек, но возросла за счет появления новых вузов в Хабаровске: Хабаровского института инженеров железнодорожного транспорта (ХабИИЖТ) и Хабаровского педагогического института (ХГПИ). Кроме того, несколько увеличилось количество преподавателей в сохранившихся Дальневосточном политехническом (ДВПИ), Хабаровском медицинском (ХГМИ) и Благовещенском педагогическом (БГПИ) институтах, а также число научных работников в ряде отраслевых научных учреждений.

Но к войне ученые Дальнего Востока, как и жители всей страны, оказались не готовы. Ее начало большая часть из них, находясь в отпусках или экспедициях, во многом пережили как событие личного характера и некоторое время, когда уже была осознана необходимость переориентации всей профессиональной деятельности и повседневной жизни на нужды войны, испытывала растерянность². Директор Дальневосточного института земледелия и животноводства (ДальНИИЗиЖ) П. Г. Власов, обращаясь к коллективу 26 июля 1941 г., отмечал, что «некоторые товарищи очень нерешительно подошли к перестройке. А некоторые просто несерьезно отнеслись к этому делу. Мы еще до сих пор не можем отрешиться от беспечности». И продолжал: «Мы должны оказывать максимальную практическую помощь колхозам и совхозам края по уборке урожая, помочь КрайЗО в его практических мероприятиях, консультациях»³.

Дело было не только в непосредственной помощи колхозам, но и в замене установленных планами исследовательских тем на военную проблематику. А это давалось нелегко и тем учреждениям, что открылись недавно, и тем, что уже заявили о себе как состоявшиеся. Один из ве-

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.А-374. Оп.27. Д.455. Л.11, 48 (об.), 49, 58; Д.457. Л.14, 16, 27, 32, 35 (об.), 39, 41, 106 (об). Государственный архив Хабаровского края (ГАХК). Ф.353. Оп.1. Д.143. Л.8.; Ф.721. Оп.1. Д. 12. Л. 1; Д.34. Л.27–28.

² *Исаев А. А.* Общество и власть Дальнего Востока СССР о японской опасности в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945// Вглядываясь в прошлое: Дальневосточное общество в конце 1917–1960-е годы XX в.: сб. науч. ст. Владивосток: ДВО РАН, 2005. Кн. 3. С. 118.

³ ГАХК. Ф.721. Оп.1. Д.172. л. 63–63 (об.).

дущих преподавателей ХаБииЖТ и его будущий директор В. И. Дмитриенко на заседании ученого совета 28 октября 1941 г., подводя пока неутешительные итоги перестройки тематических планов, говорил: «С начала войны т. Сталин призвал всех нас к перестройке работы на новый лад. Этого наш научный коллектив не сделал до сих пор. Анализируя планы НИР... мы видим, что Институт ведет до сих пор политику довоенную»¹.

Можно полагать, что ХаБииЖТ, как и ХГПИ, где научная работа тоже только налаживалась, были молодыми научными учреждениями. Но не сразу переключились на военную проблематику ученые ХГМИ, что отмечалось в отчете об их научной деятельности в 1941–1942 гг.² А в ДальНИИЖиЖ ряд научных сотрудников объясняли подобную позицию тем, что бросать уже начатую работу нецелесообразно. «Тема наша находится на середине выполнения. Мы занимаемся выведением новых сортов и сортоизучением плодовых и ягодных. Бросать эту работу нет смысла», — говорил научный сотрудник института, будущий академик ВАСХНИЛ Г. Т. Казьмин³. Подобные признания, уже в качестве критических замечаний, можно было услышать и на партийных собраниях в Тихоокеанском институте рыбного хозяйства и океанографии (ТИНРО). На одном из них 15 ноября 1941 г. с подобной критикой обратился к коллегам научный сотрудник института А. И. Румянцев: «Имелись неправильные понятия у некоторых работников, что наша работа (тема) прямого военного значения не имеет, и тем притупляли свой интерес к выполнению важных заданий»⁴. К пересмотру исследовательской тематики ученые Дальнего Востока обратились только после доклада И. В. Сталина «О XXIV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции», сделанного на заседании Московского совета депутатов трудящихся 6 ноября 1941 г.

Поскольку значительная часть работ была представлена естественнонаучными направлениями, а из них — преимущественно агробиологическими, — их помощь тылу и фронту в основном была связана с продовольственной проблемой. В этом отношении для ихтиологов ТИНРО и его отделений особой необходимости менять проблематику не было. Но вектор ее был направлен уже не на изучение чисто биологических свойств морских организмов, а на выявление их запасов, состава попу-

¹ Там же. Ф.1732. Оп.1. Д.31-а. Л.12.

² Там же. Ф.1507. Оп.1. Д.128. Л.258.

³ Там же. Ф.721. Оп.1. Д.172. Л.70.

⁴ Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф.П-368. Оп.1. Д.6. Л.31.

лений, распределения и миграции. Объектом исследований оставались лососевые, камбала, сардины и сельдь. Этим занимались А. Г. Смирнов, Ф. И. Крогиус, Е. М. Крохин, А. И. Румянцев, В. Н. Аюшин, С. М. и А. Г. Когановские. Кроме того, встал вопрос о возможности добычи менее ценных рыб: трески, мойвы и др.¹ Вопросами их переработки и хранения в институте под руководством И. В. Кизеветтера занимались химики-технологи. За годы войны ученые выявили оптимальные условия хранения соленой сардины, а также разработали основные принципы производства рыбных и крабовых консервов (В. А. Солинек, Е. Н. Оленева, К. А. Башкиров, Е. М. Члаидзе)².

Наземным биологам и ученым-агряриям тоже не пришлось менять свою проблематику, расширялась только предметная сфера их исследований. На Горнотаежной станции АН СССР (ГТС), сохранившейся в Приморье после ликвидации ДВФАН, перешедшая туда небольшая часть флористов приступили к разведению сортов лука, фруктов и ягод. Помимо данных культур селекционеры ДальНИИЖиЖ и многочисленных опытных сельхозстанций В. А. Золотницкий, А. С. Слабко, А. В. Элентух, А. В. Зайцева и др. сосредоточились на выведении новых сортов зерновых³. Но главное внимание было уделено разведению и увеличению посевов картофеля. Последнее определялось не только задачами обеспечения фронта и тыла, но и указом нового директора ВАСХНИЛ им. В. И. Ленина академика Т. Д. Лысенко. Игнорировать указ местные ученые не могли, поскольку в прямом подчинении ВАСХНИЛ находилась вся отраслевая аграрная наука страны⁴. Параллельно решался вопрос расширения посевных площадей, чем занялись на Приморской сельскохозяйственной опытной станции во главе с Ф. Г. Захаркиным. Дополнительные площади (с 1 га до 72 га) были выявлены в Уральском каменноугольном районе (вечной мерзлоты). Также составлялись почвенные карты Хабаровского края и Амурской области⁵. С участием дальневосточных агробиологов за годы войны в регионе посадка огородной продукции увеличилась на 19,3 %, а картофеля — почти на 30,0 %⁶.

С проблемами животноводства, производством новых сортов овощей, а

¹ Люди. Наука. Океан. Дальневосточное книжное изд-во, 1975. С. 21–58.

² Там же. С. 135–138.

³ ГАХК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 213. Л. 2–2(об.).

⁴ Там же. Д. 172. Л. 97; Д. 201. Л. 33, 171; Д. 215. Л. 6.

⁵ Там же. Д. 201. Л. 32(об.).

⁶ Ткачева Г. А. Оборонный потенциал Дальнего Востока СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Автореф. дис. Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, 2012. С. 8.

также удобрений возникали трудности¹. Они были вызваны сокращением численности научных работников, часть из которых, имея бронь, добровольно ушли на фронт. Так, в начале 1941 г. ДальНИИЗиЖ насчитывал 28 научных работников, а в 1943 г. — 16; в ГТС АН СССР в начале 1941 г. был 21 научный работник, а к осени того же года — 14, и эта численность сохранялась до 1944 г.; в ТИНРО число научных сотрудников с 86 человек в конце 1940 г. сократилась к 1943 г. до 55². Так было практически во всех научных учреждениях и вузах Дальнего Востока: кадров катастрофически не хватало. Их число в первые годы войны не возросло за счет эвакуированных, поскольку за отдаленностью Дальний Восток не стал местом эвакуации, как Урал, Сибирь и среднеазиатские республики.

Кадровая проблема на деле означала, что на каждого научного работника ложилась двойная, а то и тройная нагрузка по выполнению выросшего количества тем. Но в первый год войны не только это и практически не менявшаяся материальная база научных учреждений и вузов осложняли их работу. Местные партийные органы Дальнего Востока далеко не сразу увидели в науке реального помощника фронту и тылу и не включили ученых в различного рода комитеты по решению этих проблем, что отличало их позицию от сложившейся в других регионах страны³. Это, возможно, объяснялось отдаленностью Дальнего Востока, слабостью его научных учреждений, о которой они были осведомлены. Но вслед за партийными органами оказалось не готово к использованию результатов научных разработок само производство. Так что и те, и другие далеко не сразу определились в военных заказах для местных ученых. В связи с этим секретарь партбюро ДВПИ товарищ Меерович признавался на VI пленуме Приморского краевого комитета ВКП(б) 22 ноября 1941 г.: «...это ценное оборудование (созданное в ДВПИ. — Авт.) не используется достаточно эффективно, потому что мы не имеем заказчиков. Вот пример: зам. директора по учебной части обил пороги у товарища Богденко (лицо не установлено. — Авт.), чтобы получить соответствующие заказы»⁴. Пока промышленные предприятия Дальнего Востока не перестроились, ученые ДВПИ какое-то время сами находили заказчиков и, отвечая на призыв «Все для фронта, все для победы», сами занимались внедрением готовых работ.

¹ ГАХК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 201. Л. 35.36. Д. 202. Л. 7, 8.

² Там же. Д. 201. Л. 32; А РАН. Ф. 188. Оп. 3. Д. 103. Л. 7; ГАПК. Ф. 42. Оп. 4. Д. 11. Л. 66; Д. 14. Л. 24.

³ Кременцов Н. Л. Советская наука и война // Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки. СПб: Дмитрий Буланин, 2003. С. 784–785.

⁴ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 6. Д. 16. Л. 113 (об.).

Но со временем заказы стали поступать регулярно. За годы войны ученые ДВПИ немало сделали для использования в военных целях местного сырья, ранее завозимого на Дальний Восток. Профессором В. Н. Шумкиным была решена проблема замены кокса местными углями при плавках чугуна в вагранках. Под его руководством сотрудниками института Быковым и Бобковским было налажено производство аккумуляторных пластин для специальных целей Тихоокеанского флота. Из местного сырья были произведены угли для противогазов и предложены Военному совету Дальневосточного фронта. Большинство же военных заказов, к которым были причастны А. В. Стоценко, И. В. Горбачев, Г. С. Рожанский, Е. Б. Юровецкий и др., выполнялось и в послевоенное время, нося закрытый характер¹.

Своеобразным вектором дальнейших послевоенных исследований явилась и для ХАБИИЖТ научная тематика, связанная с решением задач тыла и фронта. И потому что сам институт в силу своей молодости только-только определялся в научно-исследовательской деятельности, и потому что проблемы транспортного обеспечения носят стратегический характер для любой страны и в любое время. В годы войны в ХАБИИЖТ были завершены такие темы, как «Электрохимическое укрепление грунтов» (А. А. Драги), «Местные антисептики для шпал и строительной древесины» (А. Г. Аникин), «Проект универсального товарного вагона» (П. С. Коньков), «Временные сооружения на железнодорожном строительстве Дальнего Востока» (Т. А. Павленко) и др.² Всего же за годы войны в этом институте было выполнено 145 государственных и 17 хозяйственных тем, а непосредственно в производство было внедрено 24³.

Технической проблематикой были заняты и специалисты в ТИНРО. Естественно, что направлена она была на разработку техники и организации лова. В 1942–1945 гг. в институте были созданы стальной подвесной сардиновый невод для больших глубин (В. П. Отмахов), оттер-трал для лова наваги (В. С. Калиновский), стальные невода и ловушки для прибрежного лова (И. В. Сельвинский), разработана техника лова рыб тралами с сейнеров (В. Д. Гордеев, В. С. Калиновский)⁴.

Медицинский институт, преобразуя свои планы, добился комплекс-

¹ ГАПК. Ф. 52. Оп. 10. Д. 134. Л. 28–29 (об.); Д. 220. Л. 11.

² ГАХК. Ф. 1732. Оп. 1. Д. 40. Л. 10–13 (об.).

³ Там же Д. 76. Л. 63.

⁴ ГАПК. Ф. 42. Оп. 4. Д. 13. Л. 49–52; Д. 14. Л. 21, 61–61.

ного подхода к решению некоторых проблем. В ноябре 1941 г. учеными было выбрано только пять тем: «Шок», над проблемами которой работало 6 кафедр в составе 13 человек; «Апоксемия» (кислородное голодание); «Индикация и дегазация»; «Травматизм»; «Инфекции»¹. Результаты исследований позволили эти темы откорректировать в следующие направления: ранения и их лечение, особенности течения некоторых заболеваний в военное время, вопросы патогенеза осложнений некоторых заболеваний военного времени, профилактика и лечение заболеваний военного времени. Направления тоже имели комплексный характер. Только над первым из них под руководством директора Института медицины профессора А. М. Дыхно работало 7 человек. Комплексность позволила данные направления объединить общей темой «Патология военного времени»².

Помимо прикладных заданий, связанных с военной тематикой, часть ученых, думая уже о послевоенном времени, готовили диссертации. Кто-то продолжал начатое в довоенное время, кто-то обратился к этой работе во время войны. На местах эти исследования могли быть защищены только в ХГМИ, поскольку в других научных учреждениях и вузах Дальнего Востока диссертационных советов все еще не было. Поэтому не случайно в этом вузе с 1941 по 1945 гг. ученую степень получили значительное число сотрудников — тридцать человек, в то время как в ДВПИ — только три, а в ХабИИЖТ — двое³. В педагогических вузах в эти годы работа над диссертациями не велась: все было направлено на учебный процесс. Но и в научных учреждениях большая часть работников не стремились формально подтвердить уровень своей квалификации: ни в ГТС, ни в ДальНИИЗиЖ, ни в ТИНРО, ни в Дальневосточном НИИ лесного хозяйства (ДВНИИЛХ) за годы войны не было защищено ни одной диссертации. Однако по ходатайству ученого совета ДальНИИЗиЖ двум специалистам, Е. А. Гамаюновой и А. И. Качияни, была присвоена ученая степень кандидата сельскохозяйственных наук без защиты диссертаций⁴.

В основном результаты исследований дальневосточных ученых либо непосредственно внедрялись в производство, либо оформлялись в виде научных публикаций. Продолжался выпуск известий в ТИНРО, в сборниках научных трудов оформляли свои исследования ученые ГТС. Толь-

¹ ГАХК. Ф. 1507. Оп. 1. Д. 128. Л. 258–270; Д. 404. Л. 3

² ГАХК. Ф. 1507. Оп. 1. Д. 533. Л. 2–3.

³ Там же. Д. 587. Л. 11; Ф. 1732. Оп. 1. Д. 40. Л. 15.; Д. 76. Л. 25(об.); ГАПК. Ф. 52. Оп. 10. Д. 134. Л. 27, Д. 170. Л. 48.

⁴ ГАХК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 215. Л. 15–15 (об.).

ко в ДальНИИЖиЖ в годы войны было издано более 30 научных и научно-популярных книг и брошюр¹.

Все это говорит о том, что ученые-дальневосточники, осознавали свой долг перед страной и народом. Они были патриотами, что следует подчеркнуть, поскольку некоторой частью населения, в частности населения Приморья, с началом войны овладели пораженческие настроения, а, кроме того, отдельные лица желали нападения на Японию². Но патриотизм ученых, как представляется, не был обусловлен политической социализацией. Он не был детерминирован идеологической пропагандой и усилившейся с конца 1941 г. оборонно-массовой работой³. Научные работники вместе со всеми участвовали в общесоюзных акциях, проводимых в пользу фронта: в сборе вещей для участников сражений, в перечислении заработка на нужды фронта, в приобретении облигаций государственных займов, средства от которых тоже направлялись на достижение этих целей⁴. Это были действия, которые помимо профессиональных осознавались как реальный вклад в победу и, по сути, были таковыми.

В основном, их политическое участие этим и ограничивалось. Патриотическая настроенность лишь у немногих вызвала порыв вступить в партию: за годы войны в ТИНРО их было трое, в ДВПИ — двое. Соборания, включая партийные и профсоюзные, как манифестация их политической активности в самих научных организациях проводились нерегулярно, собирали крайне малое количество сотрудников и были лишены патетики и пафоса. Вновь обращаемся к ТИНРО. На общем собрании его коммунистов 6 июля 1944 г. говорилось: «Некоторые партийные руководители увлеклись решением практических вопросов и ослабили внимание к политической пропаганде». А 1 октября того же года его научный сотрудник В. А. Солинек, критикуя «низкий политический уровень некоторых сотрудников», констатировал: «Собрания наши срываются. Очень давно не ставили политинформации, сотрудники ... не хотят посещать собрания»⁵. Конечно, ТИНРО в этом не был одинок, о чем говорит и выступление на партсобрании весной 1944 г. заместителя директора БГПИ по учебной работе т. Баранчеева: «Наши резолюции похожи на резолюции ... социал-демократов! Они нами принимаются, но

¹ ГАХК. Ф. 721. Оп. 1. Д. 218. Л. 19.

² ГАПК. Ф. П-3. Оп. 1 Д. 938. Л. 1–98.

³ *Исаев А. А.* Общество и власть Дальнего Востока СССР о японской опасности в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 // Вглядываясь в прошлое: Дальневосточное общество в конце 1917–1960-е годы XX в.: сб. науч. ст. Владивосток: ДВО РАН, 2005. Кн. 3. С. 117–126.

⁴ Там же. Ф. 52. Оп. 10. Д. 134. Л. 31 (об.).

⁵ ГАПК. Ф. П-368. Оп. 1 Д. 9. Л. 13–14.

не выполняются... Митинг, посвященный подписанию комсомольцами и молодежью письма т. Сталину, был сорван»¹.

Несомненно, военное время обнажило известную аполитичность дальневосточных ученых, в чем их до войны нередко обвиняли местные партийные органы и с чем боролись руководители немногочисленных партийных организаций, но усилило, особенно в наиболее критических военных ситуациях, чувство Родины, умножая их работоспособность и ответственность перед ней.

Военная обстановка явно ослабила «приводные ремни», детерминирующие «политическую активность» научных работников. Главное — практически прекратились репрессии. Последним арестованным (декабрь 1941 г.) в их среде был научный сотрудник ТИНРО К. А. Башкиров². Чуть ли не полностью исчез идеологический диктат. Кроме самых первых месяцев войны местные партийные органы в работу ученых не вмешивались, как и в центре, положившись на их профессионализм. Тем самым местные ученые, как и их коллеги в других районах³, обрели известную автономность. Лишь в редчайших случаях положение в научных учреждениях обсуждалось на заседаниях партийных и профсоюзных бюро краевого и городского масштаба. В документах отражен только один такой случай, вызванный дезорганизацией в ДВНИИЛХ в Хабаровске⁴. В основном же их представители даже не посещали научных организаций, как это практиковалось до войны.

Была еще причина, приводившая ученых-дальневосточников к аполитичности. Ее находим в полной цитате В. А. Солинека из его речи на упоминавшемся собрании в ТИНРО: «Наши сотрудники больше заняты вопросами снабжения и не хотят посещать собрания»⁵. Итак, помимо напряженной работы, научные работники были заняты «вопросами снабжения», то есть собственным бытом и повседневностью, несомненно, изменившимися в условиях войны. И в этом отношении они тоже надолго оказались предоставленными сами себе. Сотрудник ТИНРО т. Голенченко на партсобрании института еще в начале войны заявил: «Говорят, что не хватает специалистов. Неверно, специалисты найдутся, если будут созданы соответствующие бытовые условия. Но на это администрация института никакого внимания не обращает и не желает

¹ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1 Д. 1587. Л. 20–20(об.)

² Снытко В. А. Еще об одной печальной судьбе ТИНРО-Центр, 2000. С. 319.

³ Кременцов Н. Л. Советская наука и война // Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки. СПб: Дмитрий Буланин, 2003. С. 783–784.

⁴ ГАХК. Ф. 1679. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–2.

⁵ ГАПК. Ф. П-368. Оп. 1 Д. 9. Л. 14.

обращать»¹. А в бытовом отношении ученым пришлось очень непросто. Обвиненный в том, что не сдал теплых вещей для Красной армии, сотрудник ТИПРО коммунист т. Сукрутов объяснял на партсобрании в октябре 1941 г.: «Как ни неприятно, ни тяжело, должен признать, что и я до сих пор из одежды ничего не сдал для фронта. Своего теплого у меня ничего нет... сейчас ищу, что бы купить и внести в фонд теплых вещей»². В одиночку эти проблемы оказались неподъемными.

Только после выхода приказов Наркомата труда № 170 и № 308 о снабжении работников науки и искусства на помощь ученым пришел профсоюз, добиваясь централизованного снабжения научных работников одеждой и питанием. Это уже было начало 1944 г., когда положение на фронтах изменилось, но налаживать дело приходилось с большим трудом. На этот раз с выполнением приказов не справлялись местный общепит и отделы снабжения³. Например, в БГПИ литературный продовольственный паек, выделенный 14 преподавателям, обеспечивался «крайне не организованно», а на 100 промышленных ордеров сотрудники института получили 4 дамских блузки и 6 воротничков к мужским рубашкам. Это в то время, когда, не говоря уже о других сотрудниках и тем более студентах, проф. Самбикин и зав. каф. Смолянов не имели необходимой одежды⁴. На плохое питание в городской столовой жаловались прикрепленные к ней преподаватели ДВПИ, кроме того, они недоумевали, получая по 600 г хлеба вместо 800, почему институт снабжается по второй категории, а не по первой, как это было решено городскими властями⁵. Не обеспечивался углем вновь открывшийся в 1944 г. Владивостокский педагогический институт⁶.

Одной из причин неустроенной повседневности войны была увеличившаяся в 1944 г. численность работников науки и искусства. В основном это касалось Приморья, где открылось 2 вуза, а ГТС была преобразована в Дальневосточную базу АН СССР. 19 июля 1944 г. на заседании Комиссии по снабжению при Приморском крайкоме профсоюзов его председатель М. Г. Органов привел такие цифры: «По приказу № 308 вместо 80–85 человек снабжаются 200–250, а по приказу № 170 вместо 400–700 человек»⁷.

¹ ГАПК. Ф. П-368. Оп. 1. Д. 9. Л. 3 (об.).

² Там же. Д. 6. Л. 31 (об.).

³ Там же. Ф. 519. Оп. 1. Д. 37. Л. 1–21.

⁴ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 1589. Л. 16–16 (об.).

⁵ ГАПК. Ф. 52. Оп. 10. Д. 134. Л. 38.

⁶ Там же. Ф. П-68. Оп. 1. Д. 843. Л. 14.

⁷ Там же. Ф. 519. Оп. 1. Д. 37. Л. 21.

В научной среде Дальнего Востока проблема быта как заслуживающая внимание заявила о себе лишь тогда, когда явно обозначился перелом в военных действиях и ученые, как и вся страна, обрели уверенность в победе. А именно, в 1944 г. В самые трагические годы этих проблем они фактически не замечали: их повседневность, как и работа их учреждений, была подчинена исключительно законам военного времени. Тем не менее, перестроиться на военный лад удалось не всем научным учреждениям: все зависело от руководства. Деморализованным оказался директор Дальневосточного НИИ лесного хозяйства Б. Е. Поседко, в результате чего с начала 1942 г. возглавляемый им ученый совет института фактически прекратил работу и был ликвидирован. Тематические планы оказались не связаны с военной проблематикой и систематически не выполнялись, внедрение научных результатов не налажено. Лишь вмешательством Хабаровского крайкома ВКП(б), в июле 1944 г. сменившим директора, институт был спасен от развала, имея до осени 1945 г. только семь сотрудников¹. Но это уже было время восстановления кадрового потенциала в науке на Дальнем Востоке за счет вернувшихся с фронта и создания новых научных учреждений.

¹ ГАХК. Ф. 1679. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–8.

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ПОЛИТЕХНИКИ и Великая Победа

История Великой Отечественной войны продолжает быть для нас одной из основных скреп национального самосознания, важнейшим основанием нашего самоуважения. 2015 г. стал 70-летней годовщиной нашей Победы. Победа была и остается «точкой сборки» нашего исторического достоинства, центром «собирания себя», узлом концентрации духовных сил. Победа в Великой Отечественной войне — наше главное достояние в XX в., как и во всей истории нашего Отечества. По словам президента России В. В. Путина, «День Победы всегда будет символом нашего национального триумфа, народного единения, воинской славы и трудовой доблести». Эта традиция заключается, прежде всего, не просто в передаче некоей информации, а в том, что именно передается — все лучшее, достойное и великое из опыта поколений. Необходимо сохранить память о подвиге великого поколения победителей и передать ее потомкам. Нам сейчас важно понимать, насколько высоким было чувство и сознание собственного достоинства у военного поколения. Эти люди были уверены в своей способности преодолеть любые испытания. Герой замечательного романа Виктора Смирнова о послевоенном времени «Заулки» выразился так: «Расписаться на рейхстаге — это не хухры-мухры». Сейчас очевидно, что без этой памяти мы перестанем быть единой страной и единым народом.

22 июня 1941 г. на СССР напала не одна гитлеровская Германия. Фактически, это был поход против СССР — России всей объединенной Европы, попавшей под власть нацистов. В великой войне нам противостояла сильнейшая за всю историю армия мира. Это более 500 миллионов человек, работавших на гитлеровский рейх. Армия противника на первом этапе войны превосходила Красную армию, в первую очередь, качественно лучшей военной техникой. Нацистские поэты называли эсэсовцев «женихами смерти». По свидетельствам наших ветеранов войны, СС были «нечеловечески храброй армией». Мужество врага было основано на безблагодатной нордической мистике Третьего Рейха. Фильмы Лени Рифеншталь «Олимпия» и «Триумф воли» показывают, как формировался в Германии нацистский дух. Идея расового превос-

ходства арийцев была крепко вбита в головы миллионов гитлеровских солдат и офицеров¹.

Какой тип человека был необходим для Победы? На Западе в ходе 400-летней модернизации создавался новый тип: точного, дисциплинированного, самостоятельного и ответственного. Создавался данный тип в соответствующих дисциплинарных пространствах культуры, которыми являлись храм, рынок, а также, что нельзя забывать, тюрьма, которой посвящена большая работа М. Фуко «Надзирать и наказывать».

У нас тип нового человека, точного, дисциплинированного и ответственного был создан фактически в течение 10 лет. Индустриализация и создание новой армии были частями большой программы модернизации СССР–России. Главным в этой модернизации было «превращение человека с крестьянским типом мышления, восприятием времени, стилем труда и поведением в человека, оперирующего точными отрезками пространства и времени, способного быть включенным в координированные, высокоорганизованные усилия огромных масс людей. То есть в человека, сходного по ряду признаков с человеком современного индустриального общества, способного быть оператором сложной производственной и военной техники»².

Значимый вклад в Победу внесли ленинградские политехники. Наш институт изначально создавался как элитное и одновременно демократическое высшее учебное заведение. Именно здесь впоследствии формировалась не просто научно-техническая элита России, но сверхэлита, элита элит, составляющая 2–5 % от элиты, то есть люди, собственно, и создающие пионерские технологии, и рождающие прорывные идеи. Героизм, научный гений, конструкторский и инженерный талант, профессионализм и слава являются видами социальной значимости, которой достигли политехники.

Принцип чести и достоинства изначально стал основой поведения «питомцев» Политехнического. Следование данному принципу требует жертвенности. 3000 политехников участвовали в боевых действиях в годы Великой Отечественной войны. Из них около 500 человек не вернулись. 17 политехников стали Героями Советского Союза. Среди них герой войны в Испании летчик Иван Алексеевич Лакеев, летчик-испытатель Марк Лазаревич Галлай, легендарный разведчик Виктор Алек-

¹ Лессер Й. Третий рейх: символы злодейства. История нацизма в Германии. 1933–1945 / пер. с англ. А. И. Анваера. М.: Центрполиграф, 2010. С. 103.

² Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. Книга 1. — М: ЭКСМО-Пресс, 2002. С. 258.

сандрович Лягин. Разведчик Ленинградского фронта. Георгий Иванович Филиппов выжил после тяжелейшего ранения головы. Осколок отделил всю верхушку черепа. Хирург при осмотре видел его мозг, который также был задет. Но герой не только выжил, но и вернулся в строй.

В Петроградском политехническом институте в 1916 г. учился будущий Маршал Советского Союза Леонид Александрович Говоров, командующий Ленинградским фронтом во время Великой Отечественной войны. Он сыграл большую роль в операциях по прорыву в январе 1943 г. и через год по полному снятию блокады Ленинграда.

Для защитников Ленинграда и его жителей стала жесткой необходимостью готовность совершить невозможное. Ленинградцы сумели победить низменное начало в своих душах и остались людьми в нечеловеческих условиях¹. То поколение ленинградцев, выдержавшее все ужасы блокады, выросло с осознанием главной ценности в своей душе. Этим главным было чувство осмысленности собственной жизни, в которой были ценности более значимые, чем покой, благополучие и даже сама жизнь. Политехники внесли немалый вклад в оборону города.

Нравственная сила нашего народа проявилась как в героической борьбе на фронтах войны, так и в создании современной военной техники. Эта задача была выполнена отечественным военно-промышленным комплексом, называемом в народе «оборонкой». Создание мощной «оборонки» стоило нашей стране немалых жертв, но именно военная индустрия — это огромное достижение наших дедов — позволила выиграть Великую Отечественную войну, так как она дала возможность произвести оружия в несколько раз больше, чем Германия.

Огромную роль сыграли политехники в создании оружия Победы. Мы можем назвать такие имена, как Дмитрий Федорович Устинов, один из руководителей советского Военно-промышленного комплекса в годы Великой Отечественной войны; Анатолий Аркадьевич Благонравов, создатель школы конструкторов стрелкового оружия; Анатолий Петрович Александров, руководитель работ по защите нашего флота от мин путем размагничивания кораблей; Виктор Иванович Кузнецов, разработавший систему стабилизации корабельных орудий при стрельбе во время качки; Федор Федорович Петров, разработавший 152-мм гаубицу и 85-, 100- и 122-мм пушки для перевооружения танков Т-34 и ИС; Илья Иванович Иванов, разрабатывавший проекты орудий береговой артиллерии; Евгений Георгиевич Рудяк, руководивший разработкой са-

¹ *Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга. — Л.: Лениздат, 1984.

мого мощного отечественного орудия времен войны — 406-мм морского орудия. По проектам Бориса Михайловича Малинина было построено 143 из 206 советских подводных лодок, в том числе подлодки типа «Ленинец» и «Щука». Главную ударную мощь Красной армии составили легендарные танки Т-34, КВ и ИС. Их конструкторы — выпускники-политехники Михаил Ильич Кошкин и Николай Леонидович Духов¹.

Жизнь и судьбу Михаила Ильича Кошкина необходимо рассматривать в контексте той суровой, трагической, но все же великой эпохи, когда создавалась военная мощь нашей державы, которая сделала возможной Великую Победу. В личном деле конструктора хранится его автобиография, где сам Михаил Ильич рассказывает, что интерес к профессии танкостроителя у него впервые возник в годы Гражданской войны, когда красноармеец Кошкин увидел в деле применяемые противником английские танки «Рикардо». По остроумному выражению одного из современных военных экспертов, «танковые деликатесы» для будущего противника готовил бывший кондитер. В действительности так оно и было: легендарный конструктор начал свою трудовую деятельность именно в качестве кондитера. Существует интересная версия старых политехников о происхождении названия знаменитого танка. «Тридцатьчетверка» получила свое имя в память о встрече конструктора с известным советским партийным и государственным деятелем, руководителем Ленинградского обкома ВКП(б) С. М. Кировым, которая состоялась именно в 1934 г., незадолго до гибели Кирова. Со свойственной ему проницательностью Киров сумел разглядеть большой потенциал еще никому не известного Михаила Кошкина. Михаил Ильич обещал Кирову создать принципиально новый гусеничный танк. Конструктор сдержал свое слово.

Работе по конструированию танков Михаил Ильич посвятил всего шесть лет из своей недолгой жизни. Но насколько продуктивной оказалась его деятельность. За это короткое время в полной мере проявились его удивительная настойчивость, целеустремленность, исключительная самоотдача и талант разработчика. Как позднее вспоминали его коллеги, конструктор «не терпел нервозности, суеты, бесплодных споров». Если какой-то конструктор стремился что-то доказывать Кошкину на словах, то обычно получал от Михаила Ильича лист бумаги с предложением изложить свои мысли в виде чертежа. Кошкин всегда вел себя со спокойным достоинством, как с подчиненными, так и с начальством,

¹ Смелов В. А. Политехники: Герои Советского Союза. Герои Социалистического Труда. — Л.: Изд-во ЛПИ, 1989.

вплоть до наркома. Кошкин не побоялся отстаивать идею своего будущего танка перед Сталиным, несмотря на насмешки, нападки и противодействие как «сверху, так и «снизу». Он сумел убедить вождя в необходимости создания двух опытно-конструкторских образцов своего танка. Их показ перед руководством страны произвел настоящую сенсацию. Но, будучи по-настоящему скромным человеком, Кошкин никогда не выпячивал свою действительно выдающуюся роль в создании Т-34.

В создании лучшего танка Второй мировой войны оказались пересмотрены основные составляющие концепции бронетанковых войск: огонь, защита, подвижность. Новый танк стал поистине универсальным. Он был способен действовать в любых условиях. Особенности личности великого конструктора были его удивительная целеустремленность, твердая воля и настойчивость, которые позволили ему преодолеть многочисленные препятствия и добиться триумфа своего детища даже ценой собственной жизни. Итогом его работы, совершенной на пределе человеческих возможностей, стало создание лучшего танка Второй мировой войны. По признанию специалистов, этот танк совершил настоящий переворот в мировой танковой индустрии. Его роль в Великой Отечественной войне стала решающей. «Главным оружием Сталина» называли «тридцатьчетверку» наши противники. По оценке военных экспертов, машина стала «эталоном простоты и надежности», которые всегда отличали лучшие образцы отечественной военной техники. Легендарный Маршал Победы И. С. Конев так оценивал танк Т-34: «Тридцатьчетверка прошла всю войну, от начала и до конца. И не было лучшей боевой машины ни в одной из армий. Ни один танк не мог идти с ней сравнение — ни американский, ни английский, ни немецкий...». «В минувшей войне было три великих оружия: немецкий самолет “Мессершмидт”, английская линейная пушка и русский танк Т-34», — по признанию премьер-министра Великобритании в годы Второй мировой войны, сэра Уинстона Черчилля.

Главный конструктор советского атомного проекта Ю. Б. Харитон так оценивал качества Николая Леонидовича Духова: «О лучшем помощнике, чем Духов, нельзя даже было мечтать. Он истинный, от природы, конструктор. Николай Леонидович был вообще очень талантливым, очень одаренным от природы человеком во многих областях науки, техники, искусства. Мне думается, он был бы и великим музыкантом, и художником. Но он никогда и не мог быть ни тем, ни другим, ни третьим, потому что просто не мог не быть конструктором. Его конструкторская гениальность врожденная». Как инженер-механик Николай Леонидо-

вич сочетал в себе способности исследователя, расчетчика, технолога и конструктора. В технике он знал и умел все: мог быть слесарем-ремонтником, водителем, танкистом и все свои знания и умения успешно применял для главного дела своей жизни — конструкторской работы.

Коллеги Духова вспоминали, что конструктор «о машине говорил как о живом существе, во всем чувствовалось, что танк — это его родное детище, и требовал, чтобы люди, работавшие с этими машинами, знали их в совершенстве». Это было то удивительно бережное отношение к технике, свойственное именно нашим танкистам и летчикам, когда к машине относятся как к боевому другу, которого нельзя бросить и предать. Кредо Духова как главного конструктора Танкограда: надежность и безотказность танков в бою.

Были люди, которые считали Духова везунчиком, баловнем судьбы. Действительно, сам Сталин поддержал первый проект танка Духова, утвердив предложение конструктора оставить только одну башню вместо трех. Потом была легендарная слава КВ как непробиваемого танка. Но судьба переменчива. И Сталин оставит следующую роспись на деле Духова: «Сволочей надо расстреливать»! Его танки КВ стали терять в бою гусеницы, превратившись в неподвижные и беспомощные мишени. Но следователь не стал торопиться с выводами, а досконально разобрался в деле Духова. Он понял, что это было не «вредительство», а произошла техническая неувязка. Ее устранили. Позднее Духов вместе с другим политехником, Ж. Я. Котиным, стал разработчиком самого мощного тяжелого танка Второй мировой войны, получившего имя Сталина «ИС». «Именно в формулах и цифрах — поэзия инженерной науки», — говорил Николай Духов. За вклад в Победу главный конструктор Танкограда Н. Л. Духов был удостоен звания Героя Социалистического Труда¹.

Таким образом, история Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого является блестящим примером успешной реализации этики достижений. Существование данной этики в форме социального признания реальных заслуг является необходимым элементом становления элиты. Почет и уважение, оказываемое достойным людям, есть важное условие достижений. Оно является необходимым звеном успешного развития личности.

Этика достижений предполагает, что реальные славу, почет и награду получают люди, имеющие большие заслуги на поприще служения Отечеству. Только в этом случае отечественная элита будет способна

¹ Смелов В. А. Политехники: Герои Советского Союза. Герои Социалистического Труда. — Л.: Изд-во ЛПИ, 1989. С. 140.

ответить на глобальные вызовы современности. Чтобы существовал феномен героизма или святости, необходимо их культивировать в обществе. Это относится и к другим видам социальной значимости, таким как знание, мастерство (профессионализм), гениальность, слава (популярность), власть и др. Нужны соответствующая общественная атмосфера и воспитание подрастающих поколений в духе уважения к труду, ратному или мирному. Страна должна знать и ценить своих героев, например, создателей нашего оборонно-промышленного комплекса. Именно они должны быть личностным примером для молодежи, тогда появятся новые Кошкины, Королевы, Харитоны и Курчатовы.

Память о политехниках — героях войны, больших ученых, инженерах и конструкторах, о великих отечественных проектах XX в. бережно хранит Историко-технический музей СПбПУ Петра Великого¹. Музей как таковой является существенным элементом в системе общественного признания. Его экспонаты — это предметы, достойные быть в коллекции из-за своего культурно-исторического значения. Из многообразия предметов отбираются артефакты, достойные музея. Из множества людей выбираются личности, достойные исторической памяти. Это те люди, чей жизненный и профессиональный опыт действительно заслуживает сохранения и передачи, что и составляет собственно традицию достойного существования человека.

Специфика научно-технического музея состоит в том, что он является средством отбора, сохранения и передачи достижений науки и техники. Идентификация с людьми, достигшими выдающихся успехов в области инженерного дела, науке, политике, военном деле, спорте и сфере культуры, является основой личностного и профессионального становления молодых специалистов. Истинная власть, как духовная сила, действует не столько принуждением, сколько, прежде всего, примером. Пример политехников — героев войны, великих конструкторов, выдающихся инженеров, создателей научных школ и направлений, представленный в экспозиции Историко-технического музея есть основа для формирования нового поколения российской интеллигенции — интеллигенции великих свершений.

¹ Историко-технический музей Санкт-Петербургского политехнического университета и его история. 1902 — 2012 / Н. П. Гербылева [и др.]. СПб., 2012.

**ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ СОВЕТСКОГО
ЗДРАВООХРАНЕНИЯ В ПОСЛЕВОЕННЫЙ
ВОССТАНОВИТЕЛЬНЫЙ ПЕРИОД
(на примере системы здравоохранения
Северо-Западного региона РФ)**

Становление и развитие системы здравоохранения нельзя рассматривать в отрыве от общеисторического процесса, его судьбы и перспектив, зависящих от политических, экономических и социальных преобразований.

Современная система здравоохранения РФ находится в стадии очередного реформирования. На сегодняшнем этапе реформам в РФ мешают многочисленные трудности политического и социально-экономического характера, раскрыть которые в полной мере можно лишь обратившись к изучению их исторических корней. В настоящее время, когда идет поиск путей и способов дальнейшего развития российского здравоохранения, особенно важно учесть отечественный опыт. Совершенно очевидно, что большинство существующих на данный момент в нашей стране проблем в области здравоохранения возникает еще в советское время. Более того, некоторые из них собственно и порождены как самой структурой Советского государства, так и политикой ВКП(б) — КПСС (с октября 1952 г.) и высших органов государственной власти в здравоохранении.

Государственная система здравоохранения России прошла длительный путь развития. Охрана здоровья народа является одной из важнейших социальных функций государства, которая была возведена в ранг государственной политики в Советском Союзе. В этой связи особую актуальность приобретает необходимость исследования отечественной государственно-правовой политики XX в. в области здравоохранения, рассмотрение специфики эволюции институтов здравоохранения и его организационно-правового обеспечения, анализ как позитивного, так и негативного исторического опыта Советского государства в указанной области, актуального в условиях реформирования национальной системы здравоохранения.

Малоизученным периодом государственной политики СССР XX в. в здравоохранении является первое десятилетие после окончания Великой

Отечественной войны — один из сложнейших периодов новейшей истории России. Главные задачи этого времени были связаны с ликвидацией санитарных последствий войны, восстановлением и перестройкой на мирный лад всего народного хозяйства, изменением демографической ситуации, заботой об инвалидах войны, матерях и детях, в том числе оставшихся без родителей. Народ, совершивший подвиг в годы Великой Отечественной войны, теперь совершал не менее выдающийся подвиг на трудовом фронте, в том числе восстанавливая и перестраивая сеть здравоохранения, развивая медицинскую науку, подготавливая медицинские кадры.

Целью данного исследования является анализ государственно-правовой политики в здравоохранении в условиях послевоенного восстановительного периода, а также изучение опыта реформирования системы здравоохранения СССР в первые послевоенные годы.

Исторический опыт государственной организации и правовой политики в области охраны здоровья населения в рассматриваемый период особенно ценен на примере материалов Северо-Западного региона Российской Федерации. Санкт-Петербург был и остается крупнейшим центром научных кадров, в том числе медицинских. Здесь были сосредоточены все медицинские вузы, научно-исследовательские институты региона. В период Великой Отечественной войны часть территорий Северо-Западного региона (Ленинградская, Псковская и Новгородская области) подверглись фашистской оккупации, другие области находились в тылу. В сложных послевоенных условиях, благодаря эффективной организаторской деятельности руководителей областей Северо-Запада, поистине героическими усилиями медицинской службы и самоотверженности всего населения здравоохранение было восстановлено.

Послевоенные годы (середина 1940 — начало 1950-х гг.) оказались трудными для здравоохранения страны. Одновременно с восстановлением разрушенного хозяйства необходимо было постепенно переходить к иным методам руководства, связанным уже с периодом мирного времени. Объективные условия требовали большей демократизации всей государственной и общественной жизни. Все эти задачи успешно решались в обстановке небывалого трудового подъема. В то же время это был период пика культа личности Сталина, новой волны необоснованных репрессий, когда игнорировалась законность, происходило злоупотребление властью, усиление командно-административных методов управления, идеологического пресса в науке, культуре, всей общественной жизни страны, гонения на передовую интеллигенцию, фабрикация «дела врачей», «ленинградского дела» и т. п.

В этом контексте важно обратить внимание на то, что в условиях перехода от войны к миру встал вопрос о путях развития социально-экономической системы страны в целом, о ее структуре и системе управления, что, безусловно, повлияло на развитие здравоохранения. Речь шла не только о конверсии военного производства, но и о целесообразности осуществления сложившейся модели экономики. Как отмечает Е. Н. Евсеева, «экономическая модель довоенного времени с гипертрофированным военным сектором, строжайшей централизацией и жестокостью плановых заданий ... полным отсутствием экономических стимулов и рыночного обмена, всеохватным административным надзором сверху не отвечала потребностям послевоенных лет». Эта модель «мобилизационной», или «директивной» экономики, оправданная в экстремальных условиях военного времени, нуждалась в изменениях применительно к мирным условиям. Подобные настроения возникали не только у партийно-государственных руководителей или экономистов, но и у простых граждан. Однако все попытки перемен в социально-экономической области разбивались об идеологические постулаты и геополитические претензии¹.

Восстановление и развитие народного хозяйства, в том числе и здравоохранения как его составной части, на довоенной технической и технологической базе программировали его дальнейшее отставание от научно-технического прогресса. В конце 1940-х гг. был продолжен курс форсированного индустриального развития Советского Союза прежними административными методами управления. Колебания от внеэкономического принуждения к материальному стимулированию закончились. Несмотря на частичную конверсию оборонной промышленности, военно-промышленный комплекс получил дальнейшее развитие. Военные расходы отнимали до четверти национального дохода страны.

И все-таки это были годы, когда народ, вынесший на своих плечах тяжелейшую войну, проявил трудовой героизм, восстанавливая разоренную страну. Задачи мирного строительства после победы требовали от советских людей таких же сил, мужества и самоотверженности, как и в годы войны. Выполнить эти задачи только декларированными методами «сверху», без привлечения широкой общественности, без трудового подъема народа было невозможно. Для решения поставленных задач партийно-государственные органы проводили огромную работу по

¹ Евсеева Е. Н. СССР в 1945–1953 гг.: экономика, власть и общество // Новый исторический вестник. 2002. № 1(6). http://www.nivestnik.ru/2002_1/21.shtml.

приближению медицинской помощи к населению. Уделялось большое внимание восстановлению и дальнейшему развитию материальной базы здравоохранения, увеличению медицинских кадров.

Следует отметить, что в довоенный период форсированная реструктуризация экономики, массовая коллективизация в сельском хозяйстве, массивная индустриализация создали качественно новую экономическую базу для здравоохранения. В отрасли стратегические управленческие решения начали приниматься централизованно, на основании декретов и постановлений ВЦИК и СНК РСФСР, СССР, что усилило бюрократические аспекты государственной власти. Приоритетами политики в здравоохранении стали преимущественно развитие системы медицинского обслуживания промышленных рабочих, работников колхозов и совхозов; повышение санитарной культуры населения; улучшение лечебно-профилактической помощи и санитарно-гигиенического обеспечения крупных промышленных центров¹. Однако эта система ориентировалась, прежде всего, на количественные показатели: количество больниц, койко-мест, травмпунктов и т. д. Основной принцип советского здравоохранения — общедоступность — на деле соблюдался не всегда².

Более того, с началом социалистических преобразований в СССР удельный вес расходов на здравоохранение в расходах государственного бюджета стал неуклонно сокращаться (с 4,3 % в 1929 г. до 2,2 % в 1932 г.). Реализация планов первых пятилеток определила изменения в системе финансовых отношений, выразившиеся в усилении централизации финансовых ресурсов в союзном бюджете. При этом, что около 80 % бюджетных расходов на здравоохранение осуществлялось за счет местных бюджетов, их объем в 1940 г. не превышал 17 % общего объема государственного бюджета СССР. В целом, доля расходов на здравоохранение в бюджете страны в 1930-е гг. была нестабильна, ее послекризисный рост (до 6,5 % в 1936 г.) в конце 1930-х гг. вновь сменился снижением (до 5,1 % в 1940 г.)³.

В послевоенный восстановительный период политика государства была направлена на усовершенствование устаревшей и не отвечающей новым требованиям структуры органов здравоохранения, которая по-

¹ Нечаев В. С. Научные основы формирования политики здравоохранения на различных уровнях государственного управления: автореф. дис. М., 2003. С. 14.

² Социальные факторы советской модернизации / М. В. Берсенев [и др.] // Казанская наука. 2012. № 4. С. 12–15.

³ Хараева О. А. Особенности проведения и финансирования мер демографической политики в СССР и РФ : автореф. дис. М., 2001. С. 8–9.

зволюляла бы более эффективно использовать государственные ассигнования, материально-техническую базу, медицинские кадры и достижения медицинской науки. Врачи и ученые-медики видели несоответствие между уровнем развития медицинской науки и состоянием практического здравоохранения. Назрела необходимость коренного преобразования всей системы медицинского обслуживания. В марте 1946 г. вновь избранный Верховный Совет СССР утвердил четвертый государственный пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства на 1946–1950 гг.¹ Основные задачи пятилетки заключались в восстановлении пострадавших районов страны, довоенного уровня промышленности, сельского хозяйства и здравоохранения. План предполагал выйти на довоенный уровень (1940) в течение двух лет (к 1948 г.), а до конца пятилетки значительно превысить его. В соответствии с планом предусматривался рост числа больничных коек (в 1950 г. до 985 тыс. против 710 тыс. в 1949 г.), расширение сети поликлиник, детских и женских консультаций, детских больниц, молочных кухонь и других лечебно-профилактических учреждений.

Кроме того, планировалось полностью восстановить сеть домов отдыха и санаториев для трудящихся. Довести число мест (единовременного пребывания) в санаториях до 250 тыс. чел. и в домах отдыха до 200 тыс. чел. Общую сумму расходов на культуру и здравоохранение, кроме государственных затрат на жилищное и коммунальное строительство, в течение четвертой пятилетки намечалось довести до 106 млрд руб. в 1950 г., что в 2,6 раза превышало уровень 1940 г.²

Для обсуждения плана четвертой пятилетки был созван апрельский пленум Ленинградского горкома партии. Во всех районах Ленинградской области прошли пленумы районных комитетов ВКП(б), заседания партийных активов, сессии Советов депутатов трудящихся. 16–17 января 1947 г. на очередной 13-й сессии Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся был рассмотрен вопрос «О пятилетнем плане восстановления и развития городского хозяйства гор. Ленинграда на 1946–1950 гг.». В него были включены плановые задания по восстановлению здравоохранения³.

¹ Мотненко А. Н. Об объединении больниц и поликлиник // Советское здравоохранение. 1948. № 2. С. 13–21.

² Очерки истории здравоохранения СССР (1917–1956 гг.) / Под ред. М. И. Барсукова. М.: Медгиз, 1957. С. 310.

³ Красносельских А. Г. Деятельность Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся по восстановлению и развитию городского хозяйства в середине 40 — начале 50-х годов XX века: автореф. дис. СПб., 2009. С. 21.

Реформа системы здравоохранения началась с изменения его организационно-правовой структуры. В соответствии с Законом СССР от 15 марта 1946 г. «О преобразовании СНК СССР в Совет министров СССР и Советов народных комиссаров союзных и автономных республик в Советы министров союзных и автономных республик» Народный комиссариат здравоохранения СССР был преобразован в Министерство здравоохранения СССР (МЗ СССР), Народный комиссар здравоохранения — в Министра здравоохранения, Наркомздравы союзных и автономных республик — в Министерства здравоохранения союзных и автономных республик¹. В соответствующие статьи Конституции СССР 1936 г. были внесены изменения.

Основным источником финансирования здравоохранения СССР в послевоенный период по-прежнему являлся государственный бюджет. Динамики доли расходов на здравоохранение в бюджете страны в первые послевоенные годы не наблюдалось (5,1 % в 1940, 1950 гг.). Динамика наблюдается только в 1960 г., когда на долю здравоохранения было выделено 6,5 % всех расходов государственного бюджета СССР и 19 % расходов бюджета на социально-культурные мероприятия². Однако в Ленинграде и Ленинградской области удельный вес расходов на здравоохранение в бюджете области 1947 г. составил 22 %, в 1948 г. он достиг 127 млн руб. В первый год пятилетки бюджет здравоохранения выполнили на 101,4 %³.

Однако, несмотря на планируемые показатели, положение в здравоохранении страны в первые послевоенные годы менялось медленно. В 1947 г. правительственная комиссия выявила ряд крупных недостатков в лечебно-профилактической работе. Например, неэффективное использование коечной сети, значительный процент расхождения клинических и патологоанатомических диагнозов, а также просчеты в противозидемической работе⁴.

В целях повышения качества медицинского обслуживания населения МЗ СССР приступило к проведению реформы городского здравоохранения. Решение об этом было принято в мае 1947 г. на состоявшемся в Москве совещании актива работников здравоохранения после доклада

¹ Заседания Верховного Совета СССР (первая сессия). Стенографический отчет. 1946.

² *Хараева О. А.* Особенности проведения и финансирования мер демографической политики в СССР и РФ : автореф. дис. М., 2001. С. 11.

³ Здравоохранение Ленинградской области: (истoki, развитие, современность) / А. Ю. Окунев [и др.]. СПб.: Гиппократ, 2010. С. 289.

⁴ *Фадеев А. В.* Вклад Ефима Ивановича Смирнова в реформирование здравоохранения страны (1947–1952): автореф. дис. М., 2006. С. 9.

Е. И. Смирнова, назначенного министром здравоохранения СССР в феврале этого же года. Именно по инициативе генерал-полковника медицинской службы Е. И. Смирнова, имевшего большой практический опыт руководителя военно-медицинской службы в годы войны, были проведены кардинальные реформы в области лечебно-профилактической помощи, санитарно-эпидемиологического обеспечения, подготовки и усовершенствования медицинских кадров.

Реформа объединения городских больниц и поликлиник была вызвана тем, что в деятельности лечебно-профилактических учреждений имелись существенные недостатки. Врачи амбулаторий и поликлиник, работая в отрыве от стационаров, не имели возможности получить необходимую клиническую подготовку из-за преемственности в работе стационара и поликлиники. Реформа была обусловлена еще и тем, что после войны встал вопрос о так называемой конверсии медицины, в результате которой гражданское здравоохранение получило значительное пополнение врачей, имевших дело, главным образом, с военной патологией¹. Коротко и емко необходимость такой реформы обосновал министр здравоохранения СССР Е. И. Смирнов: «Невозможно заниматься профилактикой болезней, не зная и не изучая причин и условий их возникновения»².

К осуществлению принятого решения министерство приступило уже в конце 1947 г. Совет министров СССР в сентябре 1947 г. утвердил новую структуру центрального аппарата МЗ СССР и разрешил министерству провести объединение амбулаторий и поликлиник с больницами³. Такое объединение планировалось осуществить в течение 1947–1950 гг.⁴

Вместе с больницами и поликлиниками изменения коснулись также педиатрической и акушерско-гинекологической служб. Основным типом акушерско-гинекологического учреждения стал родильный дом, в состав которого, кроме акушерского и гинекологического отделений, вошла женская консультация. Кроме того, объединялись детские больницы с детскими консультациями и поликлиниками. Предполагалось, что улучшится госпитализация больных, уменьшится процент расхож-

¹ *Фадеев А. В.* Реформа системы здравоохранения СССР в послевоенные годы // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2001. № 2. С. 48.

² *Смирнов Е. И.* Медицинская промышленность в связи с задачами здравоохранения // Советская медицина. 1948. № 8. С. 2.

³ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. 9156. Оп. 4. Д. 172. Л. 249.

⁴ Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 1538. Оп. 2. Д. 24. Л. 5.

дений в диагностиках, разукрупняются участки, создадутся условия для повышения качества лечебно-профилактической работы¹.

В 1948 г. с целью улучшения качества медицинского обслуживания было осуществлено объединение стационаров детских больниц, поликлиник и консультаций, укреплен участковый принцип обслуживания и введена система единого педиатра. Это обеспечило врачебное наблюдение за каждым ребенком с момента выписки из родильного дома до окончания школы и проведение всего комплекса профилактических и лечебных мероприятий.

В разных регионах эта задача решалась в разные сроки. За 1946 г. в Ленинградской области развернули 744 больничные койки, количество врачебных амбулаторий и поликлиник выросло на 13, фельдшерских пунктов — с 342 до 400². В Ленинграде в 1947 г. половина поликлиник и больниц перешли на новые формы работы³. В августе 1948 г. Ленгорисполком в своем решении «О реорганизации сети здравоохранения Ленгорздравотдела» поставил задачу разукрупнить врачебные участки при поликлиниках и амбулаториях⁴. Районные Советы Василеостровского, Свердловского, Куйбышевского и других районов Ленинграда предоставили поликлиникам новые помещения. Ленинградский областной комитет профсоюза медицинских работников распространял опыт лучших объединений (им. М. С. Урицкого, им. В. В. Куйбышева и пр.) в других коллективах⁵. К 1948 г. объединение больниц и поликлиник в Ленинграде было в основном закончено. В декабре 1948 г. прошла объединенная конференция ВКП(б) города и области, которая отметила, что восстановление лечебных учреждений идет полным ходом, обеспеченность больничными койками на 1000 чел. населения превысила довоенный уровень⁶.

В результате реорганизации сети здравоохранения количество участков в объединенных поликлиниках возросло с 243 до 302, а население на каждом участке сократилось с 4200 чел. до 3500 чел.⁷ Это позволило

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1538. Оп. 2. Д. 24. Л. 61.

² Здравоохранение Ленинградской области: (истоки, развитие, современность) / А. Ю. Окунев [и др.]. СПб. : Гиппократ, 2010. С. 289.

³ ЦГАИПД СПб. Ф. 1538. Оп. 2. Д. 24. Л. 5.

⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 372. Оп. 11. Д. 1017. Л. 118–126.

⁵ ЦГА РФ. Ф. 3215. Оп. 8. Д. 83. Л. 1–4.

⁶ Здравоохранение Ленинградской области: (истоки, развитие, современность) / А. Ю. Окунев [и др.]. СПб. : Гиппократ, 2010. С. 289.

⁷ Центральный архив общественных движений Москвы (ЦАОДМ). Ф. 1098. Оп. 1. Д. 83. Л. 113.

уменьшить число больных на одного врача с 24 до 7¹. Повысился процент госпитализации, более рационально стал использоваться коечный фонд. В Ленинградской области число больничных коек в 1950 г. выросло с 5594 до 5810².

Для повышения качества медицинского обслуживания населения было принято постановление Совета министров СССР от 31 октября 1949 г. «Об упорядочении сети и установлении единой номенклатуры учреждений здравоохранения». В соответствии с указанным постановлением правительства был издан приказ МЗ СССР № 870 «О сети и номенклатуре учреждений здравоохранения», которым была введена новая номенклатура лечебно-профилактических учреждений и установлены их типовые категории по мощности в зависимости от числа коек, определен терапевтический участок с населением в 4 тыс. человек.

Партийное собрание МЗ СССР, состоявшееся в ноябре 1949 г., потребовало от всех звеньев органов здравоохранения высокой организованности, глубокого изучения фактического состояния дел на местах, дифференцированного подхода к построению сети медико-санитарных учреждений и особого внимания к организации обслуживания рабочих ведущих отраслей промышленности³.

В результате типовыми лечебными учреждениями были признаны: больница с поликлиникой; больница при промышленном предприятии, входящая в состав медико-санитарной части с поликлиникой; детская больница с детской консультацией, детской поликлиникой; родильный дом с женской консультацией; диспансер с соответствующим стационарным учреждением⁴.

В Ленинградской области в период реорганизации сети здравоохранения приходилось исходить из некоторых характерных для нее особенностей — значительное количество городов и районных поселков с небольшим количеством населения (40 % — с населением от 5 до 10 тыс., только один город областного подчинения из девяти имел население свыше 30 тыс. — Выборг)⁵.

К 1949 г. лечебные учреждения в ряде городов и рабочих поселков (Луге, Кингисеппе, Приозерске, Лодейном Поле, Тосно, Саблино) раз-

¹ ЦГА СПб. Ф. 3215. Оп. 8. Д. 94. Л. 1.

² ЦГА СПб. Ф. 3215. Оп. 8. Д. 83. Л. 58.

³ ЦАОДМ. Ф. 1098. Оп. 1. Д. 83. Л. 113.

⁴ *Фадеев А. В.* Реформа системы здравоохранения СССР в послевоенные годы // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2001. № 2. С. 48.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 3215. Оп. 8. Д. 94. Л. 1.

мещались еще в непригодных помещениях. В процессе реорганизации пересматривались границы врачебных участков, устанавливались единые территориальные участки для взрослого и детского населения. Местные Советы депутатов трудящихся с помощью общественных организаций помогали органам здравоохранения проводить реорганизацию сети здравоохранения на местах. В мае 1950 г., рассмотрев этот вопрос, исполком Ленинградского областного Совета депутатов трудящихся констатировал, что почти все больницы были приведены к типовой категории⁶.

Таким образом, несомненно, реформа, инициированная вторым министром здравоохранения СССР Е. И. Смирновым и направленная на перестройку структуры организации здравоохранения, повысила качество медицинского обслуживания городского населения. Анализ многочисленных материалов позволил Коллегии МЗ СССР уже в 1948 г. отметить, что указания по улучшению лечебно-профилактической помощи городскому населению в основном выполняются правильно.

Во-первых, была допущена явная недооценка значения поликлинического звена в обслуживании населения. Е. И. Смирнов писал, что «учитывая огромную роль конкретных условий и индивидуальных особенностей человека в патогенезе заболеваний, правомерно утверждать, что контингент больных, которые должны лечиться в поликлиниках от начала и до конца заболевания, можно увеличить, а число больных, нуждающихся в стационарном лечении, уменьшить. Решить это можно только совместными усилиями врачей больниц и поликлиник»⁷.

Во-вторых, зачастую с одной больницей объединяли сразу несколько поликлиник, в том числе расположенных далеко друг от друга. Это приводило к тому, что во многих городах поликлинические врачи редко попадали на работу в стационары, а при организации работы по двухзвенной системе (в стационаре и поликлинике ежедневно) они испытывали серьезные трудности из-за необходимости преодоления больших расстояний между поликлиникой и стационаром.

В-третьих, после объединения лечебных учреждений плановые и финансовые органы автоматически начинали вычислять все экономические показатели в расчете на больничную койку, что тормозило рост медицинского и обслуживающего персонала поликлинических отделений, а также развитие их материальной базы.

⁶ ЦГА СПб. Ф. 3215. Оп. 8. Д. 83. Л. 58.

⁷ Смирнов Е. И. Медицинская промышленность в связи с задачами здравоохранения // Советская медицина. 1948. № 8. С. 2.

Оценивая с сегодняшней позиции реформу объединения больниц с поликлиническими учреждениями, отечественные исследователи склонны считать, что фактически реформа не была доведена до логического конца. Не был закончен пересмотр дислокации всех стационарных и амбулаторно-поликлинических учреждений по городам, не установлено правильное соотношение стационарных амбулаторно-поликлинических отделений, не проведено профилирование коечного фонда в полном объеме.

Например, из диссертационных исследований Д. В. Егоровой и М. А. Вронской следует, что «клиническая реформа» Е. И. Смирнова привела к отсутствию дифференциации медицинского обслуживания для рабочих ведущих отраслей промышленности и остального населения, то есть к забвению классового принципа во имя общедоступности, но в целом привела к минимизации разницы между диагнозами, установленных в амбулаториях и стационарах, и повышению профессиональной компетентности врачей поликлиник¹.

Тем не менее, реформа была необходимой и своевременной в условиях первых послевоенных лет. Например, она создала условия для повышения квалификации врачей поликлиник, проверив на практике двух- и трехзвенную системы организации работы, позволив прийти к более рациональной системе чередования, экономящей время врачей для более эффективного обслуживания больных. В 1951 г. в городах было объединено около 99 % общих больниц, 89 % — детских и инфекционных. Взамен 21 тыс. разрозненных лечебных учреждений, существовавших в 1947 г., было создано 5514 объединенных больниц и 1059 специализированных диспансеров со стационарами при них². Если в 1946 г. в стране было 10296 терапевтических участков, то к 1956 г. их число увеличилось до 18836. Кроме того, действовали 3926 цеховых терапевтических участков. По инициативе Е. И. Смирнова в 1949 г. в республиканских министерствах здравоохранения, областных и городских здравотделах были введены должности главных специалистов по отдельным врачесбым специальностям.

Допущенные при осуществлении реформы ошибки были частично ис-

¹ Вронская М. А. Государственно-правовая политика в сфере охраны здоровья российских граждан : автореф. дис. Ростов-н/Д., 2009. С. 13–14; Егорова Д. В. Правовая политика в сфере здравоохранения и правовая охрана здоровья населения в Советском государстве (1917–1991) : автореф. дис. Саратов, 2011. С. 18.

² Фадеев А. В. Реформа системы здравоохранения СССР в послевоенные годы // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2001. № 2. С. 50.

правлены в 1954 г. приказом № 69-м «О мероприятиях по дальнейшему улучшению организационных форм медицинского обслуживания населения и исправлению ошибок, допущенных при объединении больничных и поликлинических учреждений» нового министра здравоохранения М. Д. Ковригиной. Этот приказ не отменял, а модифицировал реформу Е. И. Смирнова. Предусматривалось укрепление участково-территориального обслуживания населения и участково-цехового обслуживания рабочих промышленных предприятий, а также упорядочивалась работа участковых врачей¹.

В годы четвертой пятилетки большое внимание уделялось борьбе с социальными заболеваниями, что остается актуальным и в современном здравоохранении. В 1948 г. была составлена развернутая программа мероприятий по снижению заболеваемости туберкулезом. С 1 января 1949 г. была введена обязательная противотуберкулезная вакцинация новорожденных в городских родильных домах и отделениях, в сельских районных больницах, а также массовая вакцинация детей. В целях обеспечения ранней диагностики туберкулеза были созданы подвижные рентгено-флюорографические группы и введены обязательные ежегодные обследования на туберкулез работников и детей в детских садах и детских лечебно-профилактических учреждениях, работников и учащихся ремесленных училищ и школ фабрично-заводского ученичества, работников пищевых предприятий и предприятий общественного питания и других групп населения. К борьбе с туберкулезом были привлечены санитарно-эпидемиологические станции. Была установлена система обязательных экстренных извещений о каждом обнаруженном случае заболевания туберкулезом легких. Значительно возросли сеть противотуберкулезных учреждений и число врачей-фтизиатров. Министр здравоохранения СССР М. Д. Ковригина в приказе от 1 июня 1954 г. № 100-м «О мероприятиях по дальнейшему снижению заболеваемости населения туберкулезом» отмечала, что за 5 лет (1949–1954) количество противотуберкулезных учреждений в городах увеличилось на 60 %, в сельских местностях — на 72 %, число больничных коек для больных туберкулезом возросло в городах на 50 %, в сельских местностях — на 95 %, количество санаторных коек увеличилось на 20 %².

¹ *Фадеев А. В.* Вклад Ефима Ивановича Смирнова в реформирование здравоохранения страны (1947–1952) : автореф. дис. М., 2006. С. 12.

² 70 лет советского здравоохранения (1917–1987) / Под ред. С. П. Миронченко. М.: Медгиз, 1987. С. 57–58.

Данная система планово проводимых мероприятий, особенно среди детей, привела к снижению заболеваемости и смертности от туберкулеза. Число вновь выявленных бациллярных больных снизилось в 1950 г. против 1948 г. более чем на 20 %¹.

Органы здравоохранения разработали систему мероприятий по оказанию онкологической помощи. Была создана сеть онкологических диспансеров, подготовлены кадры врачей-онкологов. В центре противораковой борьбы ставились вопросы ранней диагностики и лечения рака, выявления предраковых заболеваний, расширения научных исследований в области этиологии, патогенеза и лечения злокачественных новообразований. В системе АМН СССР был создан НИИ по проблемам рака².

В связи с размахом восстановительных работ и строительством новых предприятий, жилищ, крупных коммунальных сооружений в годы четвертой пятилетки возросли требования к государственной санитарной инспекции. В довоенный период на законодательном уровне в стране были сформированы основные звенья санитарно-гигиенической и противоэпидемической организации. Однако война обусловила появление тяжелых санитарных последствий.

Согласно пятилетнему плану восстановления и развития народного хозяйства деятельность санитарно-эпидемической службы была направлена на ликвидацию санитарных последствий войны и улучшение санитарно-эпидемического состояния. В этой связи МЗ СССР были приняты несколько постановлений: «О мерах по ликвидации загрязнения и о санитарной охране водных источников» от 31 мая 1947 г., в ноябре 1948 г. «Об укреплении сети санэпидемстанций», «О мерах борьбы с загрязнением атмосферного воздуха и об улучшении санитарно-гигиенических условий населенных мест» от 29 мая 1949 г.³ В соответствии с данными актами, впервые запрещалось утверждение проектов строительства, реконструкции промышленных предприятий, не соблюдающих санитарно-технические нормы. МЗ СССР совместно с правительством проводило активную политику, направленную на оздоровление неблагополучных населенных пунктов, проведение массового обследования и систематическое, в том числе противорецидивное, лечение больных малярией, ин-

¹ Очерки истории здравоохранения СССР (1917–1956) / Под ред. М. И. Барсукова. М.: Медгиз, 1957. С. 314.

² Очерки истории здравоохранения СССР (1917–1956) / Под ред. М. И. Барсукова. М.: Медгиз, 1957.

³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. М.: Политическая литература, 1985. Т. 6.

дивидуальную и общественную химиопрофилактику, подготовку специалистов, в частности помощников энтомологов (постановление Совета министров СССР «О мероприятиях по борьбе с малярией» № 1743 от 11 августа 1946 г., постановление МЗ СССР «О предварительных итогах борьбы с малярией в 1948 г. и плане мероприятий на 1949 г.»)¹. Эти работы уже к 1954 г. привели к ликвидации малярии как массового заболевания, что позволило ликвидировать малярийные станции как самостоятельные учреждения, объединив их с санитарно-эпидемиологическими станциями.

Важно отметить, что в данный период в системе советской санитарно-эпидемиологической службы существовали изолированные друг от друга организации: государственная санитарная инспекция и противоэпидемические учреждения. Совет министров СССР принял несколько нормативно-правовых актов, направленных на изменение подчиненности санитарно-эпидемиологической службы. Это еще одно ключевое направление в области реформирования здравоохранения. Постановлениями Совета министров СССР «Об утверждении номенклатуры санитарно-эпидемиологических учреждений и реорганизации их» № 3056 от 10 августа 1948 г. и «О Всесоюзной государственной санитарной инспекции и органах санитарно-эпидемиологической службы» от 12 ноября 1949 г., которые были разработаны при непосредственном участии Е. И. Смирнова, была утверждена новая номенклатура сети и штатов санитарно-эпидемиологических учреждений и создана единая санитарно-эпидемиологическая служба. Основная цель постановлений заключалась в усилении предупредительного надзора и государственного контроля за осуществлением мероприятий, направленных на улучшение санитарно-гигиенических условий труда и быта населения и контроль за качеством выпускаемых бактериальных препаратов.

Далее, приказом МЗ СССР от 14 декабря 1949 г. была разграничена деятельность Всесоюзной государственной санитарной инспекции и санитарно-противоэпидемической службы, а затем 1 февраля 1951 г. положением № 98 министерство определило функции и права этой службы². К ее обязанностям было отнесено осуществление текущего санитарного надзора по всей территории СССР, а также предупредительного в отношении объектов районного и городского подчинения (кроме городов республиканского подчинения), изучение санитарного

¹ Там же.

² Очерки истории здравоохранения СССР (1917–1956) / под ред. М. И. Барсукова. М.: Медгиз, 1957. С. 319.

состояния населенных мест и проведение мероприятий, направленных на предупреждение заразных, профессиональных и других заболеваний и борьбу с ними. Государственная санитарная инспекция входила в состав органов управления здравоохранения на союзном, республиканском и областном уровнях и в городах республиканского подчинения. Государственный санитарный инспектор являлся заместителем руководителя соответствующего органа по санитарно-эпидемиологическим вопросам. Основным недостатком данной организационной формы были неточное распределение функций между государственной санитарной инспекцией и санитарно-эпидемиологическими станциями, недостаточная преемственность в работе по предупредительному и текущему санитарному надзору, так как они осуществлялись различными подразделениями службы¹.

Исполком Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся в апреле 1950 г. принял решение «О реорганизации санитарно-противоэпидемической службы в г. Ленинграде»². После реорганизации вся текущая повседневная санитарная и противоэпидемическая работа сосредотачивалась в санитарно-эпидемиологических станциях (районных, городских, областных).

В августе 1950 г. совещание актива медицинских работников лечебных и профилактических учреждений Ленинградской области отметило, что органы здравоохранения добились успехов в повышении качества медицинского обслуживания населения, снижении детской заболеваемости и смертности, ликвидации некоторых инфекционных заболеваний. Улучшилась работа по раннему выявлению и лечению больных туберкулезом и раком. Этому способствовали ежегодно растущие ассигнования на реорганизацию управления здравоохранением, а также введение в аппарат облздравотделов главных специалистов, принятые постановления правительства, обязывающие промышленные министерства строить своими силами и средствами лечебно-профилактические учреждения³.

Однако необходимость усиления государственного санитарного надзора обусловила в начале 1950-х гг. новое реформирование этой отрасли здравоохранения. Государственная санитарная инспекция как самостоятельный орган здравоохранения была ликвидирована, а все функции

¹ *Фадеев А. В.* Вклад Ефима Ивановича Смирнова в реформирование здравоохранения страны (1947–1952): автореф. дис. М., 2006. С. 16–17.

² ЦГАИПД СПб. Ф. 1538. Оп. 2. Д. 19. Л. 5.

³ ЦГАИПД СПб. Ф. 1538. Оп. 2. Д. 19. Л. 5.

предупредительного санитарного надзора передавались санитарно-эпидемиологическим станциям. Кроме того, в январе 1951 г. МЗ СССР утвердило новое положение «О санитарно-эпидемиологической службе», которое вводило в действие структуру, штаты и положение об областных, городских и районных санитарно-эпидемиологических станциях¹. Предполагалось, что к моменту начала следующего этапа реформы практически все районы, города и области имели в наличии санитарно-эпидемиологические станции с лабораториями. Однако фактически большинство станций находилось либо в периоде организации, либо на этапе планирования, только незначительная часть станций имела лаборатории и оборудование.

Таким образом, в результате реформы санитарно-эпидемиологической сферы, согласно статистическим данным того времени, если с 1940 по 1957 гг. число больниц в сельских районах увеличилось в 2 раза, то число санитарно-эпидемиологических станций — в 4 раза. Если в стране в 1946 г. было 2073 станции, то в 1950 г. — 5756, что свидетельствовало не только о внимании государства к вопросам санитарно-эпидемиологического состояния страны, но и о возросшем объеме работы, проводимой санитарно-эпидемиологической службой.

Следовательно, политика государства, направленная на реорганизацию медицинской помощи населению, создала благоприятные условия для использования ассигнований, выделяемых на нужды здравоохранения, ремонта имеющегося оборудования и приобретения новой медицинской техники.

Таким образом, подводя итог, следует отметить, что победа в войне способствовала консервации социально-экономической системы СССР. Культ личности И. В. Сталина достиг своего апогея. В послевоенные годы с новой силой стал проводиться прежний довоенный курс на форсированное развитие тяжелой промышленности и военно-промышленного комплекса. Верховная власть отказалась вносить изменения в довоенную социально-политическую доктрину, мотивируя свое решение противостоянием с бывшими западными союзниками по антигитлеровской коалиции. Снова был применен террор против населения. Однако послевоенные политические репрессии по сравнению 1930 гг. носили избирательный характер и большинства населения не коснулись.

На этом фоне особняком стояло здравоохранение. Мобилизационный тип развития страны позволил в короткое время восстановить си-

¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций, пленумов ЦК. М.: Политическая литература, 1985. Т. 6.

стему здравоохранения. По мнению историка Польшова М. Ф., в тех исторических условиях едва ли можно было создать более социально ориентированную промышленность и здравоохранение, чем те, которые возникли в годы первой послевоенной пятилетки (1946–1950)¹. В рассматриваемый период акценты государственной политики в здравоохранении сместились на восстановление и дальнейшее развитие его материальной базы, на развитие стационарной и специализированной медицинской помощи в городах и особенно сельской местности, на строительство крупных городских и укрупненных сельских районных больниц. Приоритетное место заняли вопросы подготовки медицинских кадров и их усовершенствования. Декларировались такие стратегические задачи, как полное удовлетворение потребности городского и сельского населения во всех видах высококвалифицированной медицинской помощи, расширение сети медицинских учреждений, охват всего населения диспансеризацией. Справедливо полагалось, что выполнение основных задач по охране народного здоровья обеспечивается не только специальными медицинскими мероприятиями, но и не менее важными для сохранения и укрепления здоровья населения экономическими и санитарно-гигиеническими мероприятиями.

Пятилетний послевоенный период в целом можно охарактеризовать как время весьма интенсивного развития здравоохранения. В середине 1940 — начале 1950-х гг. была разработана и проведена масштабная программа реформирования здравоохранения, направленная на изменение его организационной структуры и управления. В течение этого исторически короткого отрезка времени удалось восстановить уничтоженные материальные ценности, которые создавались в течение более чем двух десятилетий. В результате, к 1950 г. разрушенная войной система была восстановлена. Более того, реформы здравоохранения данного периода фактически можно назвать новым этапом в истории отечественного здравоохранения советского периода, а созданный в ходе реформирования подход к организации здравоохранения просуществовал до конца 1980-х гг.

¹ Польшов М. Ф. Исторические предпосылки перестройки в СССР. Вторая половина 1940 — первая половина 1980-х гг. СПб.: Алетейя, 2010. С. 138.

УЧЕНЫЕ И ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

Материалы круглого стола
в рамках XXXVI годичной международной научной конференции
«СОВЕТСКАЯ НАУКА И ТЕХНИКА
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(к 70-летию Великой Победы)»
Санкт-Петербургского отделения Российского национального
комитета по истории и философии науки и техники
(21 апреля 2015 года)

Редактор *Е. В. Емяшева*
Компьютерная верстка *Е. Г. Орловского*

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции

Подписано в печать 29.12.2016. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 7,25. Тираж 300 экз. Заказ 14612b

Отпечатано с оригинал-макета
в Издательско-полиграфическом центре Политехнического университета.
195251, Санкт-Петербург, Политехническая ул., 29.
Тел.: (812) 552-77-17; 550-40-14.